11 408/65

БРАКЪ ИЛИ РАЗВРАТЪ?

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ Г. РОЗАНОВА

О НЕЗАКОННЫХЪ ДѢТЯХЪ.

ОТПОРЪ НА ПРИЗЫВЪ

КЪ БЕЗФОРМЕННОМУ СОЖИТІЮ ИЛИ, ВѢРНѢЕ, КЪ ПОЛОВОЙ РАЗНУЗДАННОСТИ

И ОХРАНЕНІЕ СВЯТОСТИ БРАЧНАГО СОЮЗА.

Протоіерея Александра Дернова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фролової. Галерная ул., д. № 6.
1901.

И 408/65
9146-8
Библиотека Донского монастыря
СИСТ. №
инвент. № 1751

БРАКЪ ИЛИ РАЗВРАТЪ?

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ Г. РОЗАНОВА

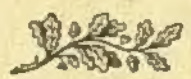
О НЕЗАКОННЫХЪ ДѢТЯХЪ.

ОТПОРЪ НА ПРИЗЫВЪ

КЪ БЕЗФОРМЕННОМУ СОЖИТІЮ ИЛИ, ВѢРНѢЕ, КЪ ПОЛОВОЙ РАЗНУЗДАННОСТИ

И ОХРАНЕНІЕ СВЯТОСТИ БРАЧНАГО СОЮЗА.

Протоіерея Александра Дернова.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.
1900.

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 14 Ноября 1900 г.

Старшій Цензоръ, Архимандритъ **Владиміръ.**

Государственная ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
51028-46

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Своеобразность и неправильность взглядовъ г. Розанова на самый важный законъ въ жизни человѣчества.—Причины необходимости высказать правильный взглядъ на этотъ предметъ.—Необходимость систематизаціи воззрѣній г. Розанова, и самая систематизація ихъ . . . . . 7—15

II. Выясненіе отношенія Церкви и церковной власти къ человѣку.—Воздѣйствіе ея на внутреннюю сторону человѣка.—Учительная или священная власть Церкви и законодательная.—Характеръ церковныхъ законовъ.—Доброе вліяніе ихъ на общественные нравы усиливало ихъ значеніе до значенія государственныхъ законовъ.—Характеръ законовъ русской Церкви.—Административная и судебная власть Церкви.—Характеръ полномочій всѣхъ видовъ церковной власти . . . . . 15—19

III. Основа для рѣшенія поставленнаго г. Розановымъ вопроса.—Гражданскій характеръ наименованія дѣтей.—Значеніе этого для церкви.—Признаніе государствомъ важности церковныхъ документовъ для гражданскаго состоянія.—Первоначальный характеръ метрикъ, исключительно церковный.—Диптихи.—Значеніе ихъ: а) для епископа; б) духовное для всякаго крещеннаго.—Отсутствіе въ церковныхъ книгахъ названія «незаконнорожденный».—Его гражданское происхожденіе.—Древнее русское названіе.—Попеченіе Церкви о всѣхъ и всякихъ дѣтяхъ . . . 19—24

IV. Уничтоженіе г. Розановымъ всякой опоры нравственности.—Стыдъ, какъ основа нравственности.—Слова Соловьева о значеніи стыда и совѣсти.—Желаніе г. Розанова уничтожить бракъ и опасныя слѣдствія этого.—Ненадлежащее исканіе имъ опоры для своихъ воззрѣній.—Неправильный взглядъ на происхожденіе трехъ формъ брака отъ Моисея.—Можетъ ли бракъ зависѣть отъ случайностей? Можетъ ли священникъ заботиться объ упрощеніи формъ заключенія брака?—Забота пастырей о ненару-

шимости брака, о святости его, объ удаленіи препятствій ко вступленію въ бракъ.—Можно ли признавать и допускать безформенный бракъ? . . . . . 25—37

V. Невозможность сравненія вопроса о «незаконнорожденности» съ вопросомъ объ «обрѣзаніи» въ апостольскомъ вѣкѣ.—Ученіе Церкви о грѣховномъ рожденіи человѣка и наименованіе его, вслѣдствіе этого, «безблагодатнымъ».—Ошибочное мнѣніе г. Розанова объ отношеніи Церкви къ «безблагодатнымъ».—Дѣйствительное, на основаніи Евангелія, отношеніе Церкви къ «безблагодатнымъ».—Молитвы Церкви о родившей и о новорожденномъ.—Почему надобно молитвенно воспоминать день рожденія?—Попеченіе Церкви о зачатыхъ только младенцахъ . . . 37—41

VI. Обязанность Церкви исполнять требованія государства.—Права государственной власти.—Самостоятельность и взаимныя отношенія Церкви и государства.—Естественность союза Церкви и государства.—Обязанности государства къ Церкви и Церкви къ государству.—Отношеніе Церкви къ самодержавной власти.—Дѣла смѣшаннаго церковно-гражданскаго характера. На чемъ основывается государство при узаконеніи термина «незаконнорожденный».—Благоговѣніе предъ Церковью и богословскія соображенія . . . . . 42—46

VII. Судебно-религіозная тяжба.—Законна ли смерть?—Незаконноумершіе.—Смерть—незаконна.—Происхожденіе зла и распространеніе его въ человѣческомъ родѣ.—Слѣдствіе зла.—Смерть духовная: а) удаленіе человѣка отъ Бога и Бога отъ человѣка; т. е. уменьшеніе духовныхъ силъ и жизни; б) разстройство воли; в) поврежденіе ума; г) смерть физическая—оброкъ грѣха; д) физическое зло; е) первородный грѣхъ: его всеобщность и прирожденность; его наслѣдственность; непостижимая тайна виновности всѣхъ въ грѣхѣ; грѣховность младенцевъ новорожденныхъ; рожденіе—не свято.—Гдѣ ключъ правильнаго пониманія рожденія и смерти?—Какъ мы можемъ получить оправданіе во Христѣ?—Какъ участвуютъ въ искупленіи?—Необходимость св. таинствъ.—Крещеніе.—Бракъ. . . . . 47—54

VIII. Превратность пониманія г. Розановымъ таинства брака.—Въ чемъ полагаетъ г. Розановъ сущность брака?—Отсюда стремленіе къ упрощеннымъ формамъ заключенія брака, чтобы доказать этимъ несуществованіе «незаконныхъ» рожденій.—Не свято ли рожденіе съ точки зрѣнія самого родившагося?—Рожденіе отъ больныхъ родителей.—Незаконное.—Церковь чрезъ таинства дѣлаетъ законнымъ.—Забота Церкви о родителяхъ для зачатія

и рожденія дѣтей при ослабленномъ грѣхѣ.—Непорочнаго зачатія нѣтъ.—Отзывъ св. Григорія Богослова о зачатіи и рожденіи; о святости брака; о внѣ-брачныхъ отношеніяхъ . . . . 54—58

IX. Противоположность и неправильность воззрѣнія г. Розанова на путь исцѣленія человѣчества отъ разврата.—Необходимость цѣломудрія въ бракѣ.—Примѣры безсловесныхъ животныхъ, по указанію Оригена. - Слова св. Григорія Богослова.—Примѣры послѣдованія совѣтамъ учителей Церкви и заповѣдямъ св. Церкви о супружескомъ воздержаніи во время чревоношенія.—Требованія Церкви о приготовленіи къ браку.—Плоды воздержанія супруговъ въ бракѣ.—Въ чемъ тайна *святаго* рожденія и *святой* смерти.—Новы ли—открытія новѣйшей литературы?—Новыя ли правила открываетъ г. Розановъ?—Моисеево правило; но ему равно апостольское.—Не было плача; но побіеніе камнями.—Надобны ли упрощенныя формы брака?—Несправедливость воззрѣнія на 7-ю заповѣдь.—Воздѣйствіе священниковъ на исповѣди.—Каковая семья, по мнѣнію Розанова, евангельская, библейская? . . . . . 58—68

X. Истинно христіанское ученіе о бракѣ: по отношенію къ провидѣнію Божію, семейству, государству.—Бѣдствія отъ нарушенія законовъ брака.—Нужда не можетъ извинить отступленіе отъ брачнаго закона.—Отъ чего зависитъ твердость брака?—Заботы объ этомъ церковнаго и гражданскаго правительства.—Евангельскія наименованія.—Заключеніе. . . . . 68—75

БРАКЪ ИЛИ РАЗВРАТЪ?

I.

Своеобразность и неправильность взглядовъ г. Розанова на самый важный законъ въ жизни человѣчества.—Причины необходимости высказать правильный взглядъ на этотъ предметъ.—Необходимость систематизаціи воззрѣній г. Розанова и самая систематизація ихъ.

Въ фельетонахъ газеты „*Новое Время*“, въ №№: 8817, отъ 13-го Сентября 1900 г., „*Евины внучки*“,— 8838, 4-го Октября, „*Споръ объ убитомъ ребенкѣ*“,— 8858, 24-го Октября, „*Мистицизмъ природы*“ № 8873, 8 Ноября маленькій фельетонъ: „*Имущество, титулы и дѣти*“, и №8876, 11-го Ноября, маленькій фельетонъ: „*открытое письмо г. А—ту*“, *за* подписью В. Розанова помѣщены своеобразныя, по способу мыслей и выраженій, сужденія о чрезвычайно важномъ вопросѣ, по самому существу его. Вопросъ, трактуемый г. Розановымъ, касается самаго важнаго закона въ порядкѣ земной жизни человѣчества: отдѣльныхъ лицъ, супружествъ, или браковъ, семействъ и дѣтей. Законъ этотъ установленъ въ самой природѣ человѣка и освященъ самимъ Богомъ и по существу своему составляетъ великую тайну. Посему самому всякая неправильность въ сужденіяхъ по отношенію къ этому закону, къ этой тайнѣ, должна озабочивать всякаго здравомыслящаго человѣка.

Г. Розановъ, подкупающій своихъ читателей

своею искренностію, какъ отзываются о немъ его критики, высказываетъ: „Мнѣ кажется, мы живемъ нака-„нунѣ глубочайшаго преобразованія воззрѣній на семью, дѣтей, „супружество, потому что въ томъ кругѣ понятій, въ которомъ „мы выросли на счетъ всего этого, нельзя и представить конца „дѣтоубійства“ (Нов. Вр., № 8817, стр. 2, столб. 5).

И далѣе, въ четырехъ фельетонахъ (№№ 8838, 8858, 8873 и 8876) онъ старается доказать вѣрность этихъ своихъ словъ, допуская, какъ замѣчаютъ въ Новомъ же Времени, г.г. Евгеній Марковъ въ статьѣ „Хлѣба и зрѣлищъ“ № 8849 отъ 15 Окт. и А—тъ, № 8862, въ статьѣ: „Дѣти“ и „не дѣти“, и № 8874, 9 ноября, въ статьѣ: „Открытое письмо В. В. Розанову“, сужденія рискованныя.

Но мало сказать: „рискованныя“; его сужденія извращаютъ самое дѣло, смущаютъ умы многихъ читателей, представляя собою смѣлыя и рѣшительныя, хотя совсѣмъ бездоказательныя, нападки на „Церковь“, на „богословіе“, на „Византизмъ“, на „духовенство“. Нападая на нихъ, г. Розановъ обвиняетъ ихъ въ искаженіи истиннаго Христова ученія въ вопросахъ о бракѣ и дѣторожденіи, ставитъ имъ на счетъ всѣ дѣтоубійства, не признаетъ бракъ религіознымъ и государственнымъ учрежденіемъ, обвиняетъ все духовенство, что *оно добровольно принимаетъ на себя тяжкій грѣхъ „симоніи“* [1]), именно: оно беретъ плату за вѣнчаніе, и только вслѣдствіе этого называетъ его таинствомъ, тогда какъ *„по всеобщему представленію самого духовенства въ вѣнчаніи не сообщается даровъ св. Духа и оно не есть таинство“*. (Новое Время № 8876, стр. 3).

[1]) Хотя сущность этого грѣха г. Розановъ понимаетъ неправильно.

Въ виду того, что такіе, дышащіе страстью и искренностію, противоцерковные и противогосударственные взгляды и сужденія г. Розанова, являющіеся въ такой распространенной газетѣ, какъ „*Новое Время*“, быстрѣе и легче книжныхъ могутъ распространяться, обольщая не утвержденныхъ въ вѣрѣ своею смѣлостію, тѣмъ болѣе, что г. Розановъ уже довольно продолжительное время такъ смѣло и рѣшительно высказываетъ свои нападки на нашу церковность на страницахъ „*Новаго Времени*“, — *справедливость требуетъ, чтобы высказанъ былъ взглядъ и тѣхъ, по адресу кого* г. Розановъ высказываетъ свои нападки, приводя, —по обсуждаемому имъ и очевидно очень близкому его сердцу вопросу,—цѣлый рядъ положеній и сужденій, не соотвѣтствующихъ ни историческимъ даннымъ, ни существу дѣла.

Благо Св. Церкви, благо добраго, славнаго народа нашего, который г. Розановъ, въ письмѣ отъ 11 Ноября, называетъ „исторически свѣжимъ и относительно чистымъ“ [1])—все, что дорого для современныхъ тружениковъ литературы и печати въ глубинѣ ихъ сердца,—все это требуетъ самаго осторожнаго отношенія къ церковнымъ вопросамъ, серьезнаго взгляда на дѣло, указанія дѣйствительныхъ недостатковъ, если они есть, и цѣлесообразныхъ мѣръ къ ихъ устраненію; а фразы и диллетантизмъ могутъ только сѣять смуту и развращать умы слабые въ вѣрѣ. А, вѣдь, г. Розановъ всѣ свои сужденія направляетъ, повидимому, къ тому, чтобы убѣдить людей въ зависимости ихъ жизни отъ Бога, убѣдить ихъ въ

[1]) Нов. Вр. № 8876.

необходимости религіозной жизни, ослабить чрезъ это дальнѣйшій ростъ вредныхъ общественныхъ явленій, ослабить или уничтожить развратъ, какъ говоритъ онъ, выработать типъ русской семьи, „*ужъ во всякомъ случаѣ чистѣйшій и возвышеннѣйшій, чѣмъ печальнѣйшая въ смыслѣ чистоты византійская семья и чѣмъ наша до сихъ поръ русская, поразительную и незамѣчаемую сторону которой составляетъ то, что нѣтъ худаго, что въ ней было бы невозможно. Но худо, и на это я указываю,—что много положительнаго хорошаго въ ней безусловно невозможно (по самой постановкѣ дѣла)*“ (*№ 8876, стр. 4*).

А что, если г. Розановъ избираетъ для этого ошибочныя средства, которыя скорѣе принесутъ не пользу, а вредъ?..

Своеобразная способность г. Розанова мыслить и выражаться, его сужденія часто не совсѣмъ ясныя, его художественно-яркая образность, заставляющая его дѣлать необычные скачки отъ предмета къ предмету и выражаться презрительно о такихъ предметахъ, о коихъ въ другихъ же мѣстахъ г. Розановъ выражается съ великимъ почтеніемъ и уваженіемъ (особенно эта двойственность—по отношенію къ св. Церкви), — все это представляетъ большія трудности къ тому, чтобы сразу же видѣть безосновательность нападокъ г. Розанова на Церковь въ ея воззрѣніяхъ на бракъ и на дѣтей.

Поэтому есть крайняя необходимость прежде всего систематизировать его воззрѣнія и потомъ уже противопоставить имъ правильныя церковныя воззрѣнія.

Говоря о Церкви, г. Розановъ постоянно допускаетъ такія выраженія, что, повидимому, отождествляетъ ее съ византійскимъ государствомъ.

Всѣ церковные порядки, которые ему почему-либо не нравятся, по его выраженію,—суть „византійскіе, нисколько не евангельскіе и не библейскіе“ [1]): таковы, по его выраженію, „понятія о семьѣ, на случаи нарушенія каковыхъ понятій, набрасываются, говоритъ г. Розановъ, всѣ батюшки“ [2]). Послѣднихъ г. Розановъ также отождествляетъ съ Церковію, приписывая именно имъ неправильный, по его мнѣнію, взглядъ на бракъ, на рожденіе дѣтей. Церковь, затѣмъ, г. Розановъ смѣшиваетъ съ религіей и богословіемъ.

И все это: Церковь, духовенство, византизмъ, религія, богословіе—„стоятъ, по неоднократнымъ выраженіямъ г. Розанова, въ прямомъ, будто бы, противорѣчіи съ ученіемъ и завѣтами Спасителя“ въ вопросахъ о бракѣ, о семьѣ, о дѣторожденіи.

„Бракъ, говоритъ г. Розановъ, суровая церковность [3]) опредѣляетъ неправильно“, т. е. признавая его таинствомъ.

„Незаконныя рожденія—выдумка церкви“. „Бракъ по существу своему и на основаніи словъ Спасителя, говоритъ г. Розановъ, есть поло-сочетаніе, прилѣпленіе мужчины къ женщинѣ; незаконныхъ рожденій нѣтъ“ [4]).

„Всѣ рождаются по закону, установленному Творцомъ“. „Существо рожденія есть тема богословская [5]). А между тѣмъ при таинствѣ крещенія, предъ его совершеніемъ, младенцу незаконнорожденному пишется этотъ въ своемъ родѣ волчій паспортъ, „желтый листъ“, т.-е. что онъ „незаконнорожденный“ [6]). „И суть въ томъ, что вовсе не одинъ терминъ прикрѣпляется къ

---

[1]) № 8858, столб. 3.
[2]) Ibid.
[3]) № 8838, столб. 6.
[4]) № 8838, столб. 4.
[5]) № 8858, столб. 3.
[6]) Ibid, столб. 3 и 4.

такому ребенку при самомъ рожденіи, но что закономъ онъ вовсе не признается рожденнымъ отъ тѣхъ, отъ кого рожденъ, что онъ — выбрасывается изъ семьи, хотя бы совершенно добропорядочной и давно существующей" [1]). И въ другомъ мѣстѣ г. Розановъ прибавляетъ, какъ бы въ поясненіе, что это за семьи: „Увы! вѣчно будетъ нѣкоторая сумма очень чистыхъ и вѣрныхъ другъ другу семей—нелегальныхъ, и повѣрьте, никакому закону въ угоду онѣ не разорвутся" [2]). „Блудное сожитіе", если посмотрѣть снаружи, кажется законнымъ, а войдя въ домъ, вы видите настоящую и полную семью, въ которую человѣкъ вырвался изъ принудительно (?) навязаннаго ему разврата, въ которой онъ отдыхаетъ и утѣшается послѣ десяти лѣтъ жизни и муки: но, увы! всѣ дѣти отъ этой полной и чистой семьи суть тоже „незаконнорожденныя". [3])

„Вопросъ „незаконнорожденности"—есть вопросъ о правѣ закона и религіи лишать дѣтей—ихъ родителей, а у родителей отнимать ихъ дѣтей" [4]).

„Кто установилъ терминъ „незаконнорожденныя дѣти"—тотъ „создалъ и фактъ случайнаго и незаконнаго рожденія, случайной „и минутной связи съ дѣвушкой или женщиной" [5]).

„Богословіе, по словамъ г. Розанова, въ одномъ отдѣлѣ и для однихъ цѣлей утверждаетъ, что жизнь и рожденіе отъ Бога; что это—трансцендентность, а не химія, что это—тайна; а въ другомъ отдѣлѣ и для другихъ цѣлей, именно для отстаиванія разныхъ *византійскихъ подробностей*, столь же побѣдительно говоритъ, что жизнь и рожденіе есть простая наука, и что хотя физіологически конечно нельзя дѣлить дѣтей на „законныхъ" и „незаконныхъ", но какъ физіологія предъ Богомъ—ничто, то съ божественной стороны, конечно, одни дѣти *„законны"*, и другія *„беззаконны"*. Противъ естествоиспытателей богословы соединяютъ тварь съ Творцомъ, а противъ несчастнаго безсильнаго отца они раздѣляютъ тварь отъ творца. На двойственности разныхъ отдѣловъ богословія покоится ученіе о „незаконнорожденности" и весь огромный итогъ уже погубленныхъ дѣтей...

Государственный взглядъ на рожденіе, какъ на незаконное,

---

[1]) № 8858 столб. 4 и 5.
[2]) Ibid, столб. 6.
[3]) № 8873 стр. 3.
[4]) Ibid, столб. 5.
[5]) Ibid.

не породилъ бы дѣтоубійства (т. е. государство *будто бы* не учитъ о „незаконнорожденности"). Терминъ этотъ, который лучше замѣнить словомъ: „не благословенныя дѣти", выдумало (*будто бы*) „религіозное отлученіе". Благословенія этихъ дѣтей лишило не Евангеліе, а тѣ сухія ограниченія, какимъ оно подверглось въ Византіи и Римѣ" [1]).

„Фальшивость же этого, выдуманнаго (*будто бы*) суровою церковностью, принципа незаконности рожденія свидѣтельствуется простѣйшимъ сопоставленіемъ (приводитъ г. Розановъ слова г. „Сѣраго"): установлена ли въ уравновѣшеніе законности рожденія—законность смерти? [2]) Если есть незаконно-рожденные, должны быть и незаконно-умершіе. Иначе нарушается основная, всюду разлитая въ природѣ, гармонія между жизнью и смертію" [3]).

Приведя эти слова, г. Розановъ говоритъ: „Вотъ гдѣ разсужденіе автора достигаетъ кульминаціоннаго пункта, и поставитъ такъ вопросъ—значитъ упразднить его, снять съ очередныхъ вопросовъ исторіи, быта, государства, *церкви*. Рожденіе есть абсолютъ, на который опираются всѣ другія слабѣйшія и низшаго порядка явленія. Нѣтъ рождающихся,—нѣтъ гражданъ, нѣтъ вѣрующихъ, нѣтъ государства, собранія гражданъ, и самой церкви, собранія вѣрующихъ" [4]). И далѣе: „Болѣзнь есть вечерняя заря бытія, любовь — утренняя. Смерть свята; это одинъ столпъ міровой религіи. Тогда свято рожденіе, и любовь цвѣтка къ цвѣтку, животнаго къ животному и человѣка къ человѣку—есть второй столпъ религіи. Любовь и болѣзнь, какъ рожденіе и смерть, обѣ абсолютны" [5]).—„Человѣкъ есть лицо священное; можно ли же говорить о его появленіи на свѣтъ, о ниспаденіи на землю его безсмертной души въ порядкѣ „Гражданскаго уложенія"? Мы хотимъ сказать, заключаетъ г. Розановъ, что вопросъ „незаконнаго рожденія" нисколько не есть вопросъ гражданскаго законодательства, а религіозный и философскій вопросъ и частью судебно-религіозная тяжба" [6]).

„Себялюбивый расчетъ людской, церковь и стыдъ стоятъ поперекъ признанія законности всякаго рожденія" [7]).

[1]) № 8858 столб. 7 и 8.
[2]) № 8838, столб. 7.
[3]) Ibid.
[4]) № 8878, столб. 7
[5]) Ibid, столб. 8.
[6]) Ibid, столб. 8.
[7]) Ibid, столб. 6.

„Всего же болѣе меня удивляетъ опасеніе г. А—та, что устраненіе дѣленія дѣтей на законныхъ и незаконныхъ „въ корнѣ разрушитъ смыслъ брака, какъ религіознаго и государственнаго учрежденія". Мнѣ всегда казался бракъ „о чемъ нибудь", какъ словесное предложеніе есть „мысль, выраженная о чемъ-нибудь". О чемъ-же? О дѣтяхъ. Дитя и бракъ—почти тожественны; все остальное—„придаточныя слова", опредѣлительныя, дополнительныя, запятыя, тире, но ни въ какомъ случаѣ не главныя слова предложенія, не подлежащее и не сказуемое. Такъ въ законѣ Божіемъ, надѣюсь—такъ и для государства... Дѣти предохранили бы бракъ отъ разложенія; но какъ въ „священной и государственной" мысли о бракѣ они выпали, какъ непремѣнное, то пустая оболочка и трещитъ по всѣмъ швамъ... Столь оберегаемый юридически бракъ нравственно никому не нуженъ". [1])
1) „Таинства брака", „брака какъ религіознаго таинства", въ Европѣ не существуетъ. Если есть и пока есть хоть одинъ ребенокъ, именуемый „незаконнорожденнымъ", невозможно доказать живость и присутствіе у насъ этого таинства [2]). 2) „По всеобщему представленію *самого духовенства* въ вѣнчаніи не сообщается даровъ Св. Духа и оно не есть таинство [3]).

Вотъ главная сущность воззрѣній г. Розанова.

Начавши съ того, что Церковь, религія и богословіе виноваты въ томъ, что есть „незаконнорожденныя" дѣти, г. Розановъ, пожалѣвши далѣе о томъ, что государство не учитъ о „незаконнорожденности", и въ то же время утверждая, что вопросъ этотъ не есть вопросъ гражданскаго законодательства, что—бракъ не религіозное и не государственное учрежденіе, что онъ — нравственно никому не нуженъ, потому что онъ не есть таинство, заканчиваетъ тяжкимъ обвиненіемъ духовенства.

Очевидно, г. Розановъ находится въ какомъ-то логическомъ кругѣ вслѣдствіе того, что не имѣетъ

---

[1]) № 8873, стр. 3 и 4.
[2]) № 8876, стр. 3.
[3]) Ibid.

точнаго понятія о предметахъ имъ трактуемыхъ,— не хочетъ знать точнаго ученія св. Церкви объ этихъ предметахъ, равно какъ и существо самой Церкви, а особенно отношеніе ея къ человѣку, ему не ясно представляется.

Это отношеніе и небходимо намъ выяснить прежде всего.

II.

Выясненіе отношенія Церкви и церковной власти къ человѣку.—Воздѣйствіе ея на внутреннюю сторону человѣка.—Учительная или священная власть Церкви и законодательная.—Характеръ церковныхъ законовъ.—Доброе вліяніе ихъ на общественные нравы усиливало ихъ значеніе до значенія государственныхъ законовъ.—Характеръ законовъ русской Церкви.—Административная и судебная власть Церкви.—Характеръ полномочій всѣхъ видовъ церковной власти.

Церковь представляется, по разсужденіямъ г. Розанова, какъ что-то внѣшнее и воздѣйствующее на внѣшнюю только сторону человѣка. Но Церковь имѣетъ въ виду не внѣшній только образъ жизни своихъ членовъ, согласный съ проповѣдуемымъ ею ученіемъ и моралью; ея задача болѣе высока. Церковь имѣетъ задачу руководить каждаго члена своего по пути къ вѣчному спасенію; посему власть ея распространяется не только на внѣшнее поведеніе, но въ равной мѣрѣ и на все внутреннее настроеніе, и гдѣ это послѣднее не стоитъ въ согласіи съ заповѣдями христіанства и Церкви, хотя бы во внѣшности при этомъ и не проявлялось оно дѣяніями, нарушающими общественный порядокъ, или оскорбляющими другихъ лицъ, тамъ выступаетъ она со своими опредѣленными средствами и распоряженіями ради спасенія одного этого самаго лица. Это — учительная власть Церкви или священная,

подраздѣляющаяся на три вида: ученіе, священнослуженіе и пастырство. Эта власть получается хиротоніею,—есть даръ благодати Св. Духа, сообщаемый рукоположеніемъ.

На ней основывается и законодательная власть Церкви. Ибо все церковное законодательство есть не что иное, какъ истолкованіе закона божественнаго.

Но учительная власть Церкви выступаетъ въ свойствѣ законодательной не только въ области вѣроопредѣленія, но и въ области *канонической* въ тѣсномъ смыслѣ, или въ содержимыхъ церковью правилахъ церковнаго устройства и церковной дисциплины. И въ этой области св. апостолы и, по ихъ примѣру, отцы церкви являются и сами выдаютъ себя отнюдь не законодателями, а только учителями, истолкователями, или даже просто передатчиками и хранителями учрежденій и повелѣній Господа: Онъ и здѣсь, какъ въ области вѣроученія, въ собственномъ смыслѣ Законодатель.

Изъ понятія сущности и происхожденія церковно-законодательной власти открывается и особенный характеръ церковныхъ законовъ и ихъ сила. Въ своемъ дѣйствіи, въ своей силѣ, они аналогичны законамъ государственнымъ, но отличны отъ нихъ. Авторитетъ ихъ — чисто нравственный, поддерживаемый не физическою карою и устрашеніемъ, а благоговѣніемъ къ волѣ Божіей, этими законами раскрываемой. Они зиждутся на божественномъ законѣ и правѣ, и суть не болѣе, какъ *его* толкованіе, совершаемое просвѣщеннѣйшими мужами, призванными Самимъ Основателемъ Церкви

на это дѣло, обязанными преимущественно предъ всѣми прочими христіанами поучаться въ законѣ Господнемъ день и ночь (VII всел. соб., пр. 2). Тамъ, гдѣ они занимаются устройствомъ Церкви и учрежденій ея, они имѣютъ въ виду сохранить въ точности заповѣди Господа и преданія апостоловъ, а тамъ, гдѣ занимаются опредѣленіемъ образа жизни вѣрующихъ и способа дѣйствованія пастырей, имѣютъ въ виду дать истинныя средства, „ко исцѣленію душъ и уврачеванію страстей“ (Трул. соб., пр. 2). Ихъ обязательная и принудительная сила— опять чисто духовнаго свойства: нарушеніе и противленіе канонамъ влечетъ за собою лишеніе правъ и власти, даруемыхъ Церковію, а въ крайнемъ случаѣ и совершенное изъ Церкви удаленіе.

Понимаемая въ такомъ свойствѣ *законодательная власть Церкви совершенно достаточна для осуществленія возложенной на нее задачи— спасенія рода человѣческаго.*

Но сознаніе великой пользы наиболѣе сильнаго вліянія и воздѣйствія церковной власти на общественные и національные нравы побуждало, нерѣдко, благочестивыхъ христіанскихъ государей усиливать значеніе церковныхъ правилъ до уравненія ихъ съ государственными законами. Такъ было въ древней греко-римской имперіи, когда, вскорѣ по признаніи Церкви государственною религіею, императоры утверждали за отдѣльными *догматами* значеніе государственныхъ законовъ, а потомъ, со времени Юстиніана, долго имѣло силу высказанное имъ общее правило, что церковные каноны имѣютъ силу законовъ; впослѣдствіи же времени сдѣлалось обыкновеннымъ, что

императоръ византійскій или самъ лично участвовалъ на соборѣ, издававшемъ церковныя постановленія, которыя eo ipso получали значеніе и законовъ государственныхъ или же въ отсутствіе его изданныя, утверждалъ впослѣдствіи въ значеніи государственныхъ законовъ.

Сходный съ этимъ порядокъ изданія церковныхъ законовъ дѣйствуетъ и въ настоящее время въ русскомъ государствѣ.

Въ полномочія устроительной или правительственной власти въ церкви входитъ, далѣе, власть *надзора*, соединеннаго съ соотвѣтственными административными мѣропріятіями. Общая задача его—наблюденіе надъ всѣмъ состояніемъ церкви и охраненіе даннаго ей устройства.

Столько же существеннымъ, кореннымъ полномочіемъ церковно-правительственной власти, сколько и надзоръ, служитъ судебная власть церкви. Предметы, подлежащіе вѣдѣнію церковнаго суда—суть споры о правахъ, даруемыхъ церковію и правонарушенія церковныя. Церковь облекаетъ человѣка званіемъ христіанина и надѣляетъ правами принадлежащими этому званію. Хотя по существу своему эти права духовной природы, но они тѣмъ не менѣе имѣютъ свойства юридическихъ отношеній.

Законодательство, надзоръ и судъ суть три главныхъ вида полномочій правительственной церковной власти: ими исчерпывается все содержаніе послѣдней. Отличительный характеръ ихъ, по сравненію съ полномочіями священной власти, состоитъ въ томъ, что каждый актъ приложенія ихъ направленъ къ внѣшнему благоустройству церкви какъ

общества и какъ божественнаго установленія, тогда какъ приложеніе полномочій священной власти имѣетъ въ виду воздѣйствіе исключительно на внутренній міръ каждаго въ отдѣльности члена церкви. *Ученіе, священнодѣйствіе и пастырство имѣютъ въ виду исключительно религіозно-нравственную область индивидуальной человѣческой личности; сфера же правительственныхъ дѣйствій церковной власти—исключительно сфера внѣшнихъ явленій, посему и каждый актъ этой власти имѣетъ правовой характеръ.*

III.

Основа для рѣшенія поставленнаго г. Розановымъ вопроса.—Гражданскій характеръ наименованія дѣтей.—Значеніе этого для церкви.—Признаніе государствомъ важности церковныхъ документовъ для гражданскаго состоянія.—Первоначальный характеръ метрикъ, исключительно церковный.—Диптихи.—Значеніе ихъ: а) для епископа; б) духовное для всякаго крещеннаго.—Отсутствіе въ церковныхъ книгахъ названія «незаконнорожденный». Его гражданское происхожденіе.—Древнее русское названіе.—Попеченіе Церкви о всѣхъ и всякихъ дѣтяхъ.

Всѣ вышеприведенныя разсужденія о Церкви и церковной власти и объ отношеніи къ ней гражданской государственной власти, должны привести къ рѣшенію поставленнаго г. Розановымъ вопроса о томъ, кто правъ, и кто не правъ, давая дѣтямъ названіе „незаконнорожденные“, т. е. можетъ ли гражданское законодательство рѣшать вопросъ о „законности и незаконности“ рожденія, или это дѣло церковной власти?

Въ этомъ вопросѣ у насъ, въ Россіи, *инициативы Церкви нѣтъ.*

По существующимъ у насъ *„гражданскимъ законамъ“* (X т. ч. I, ст. 119 св. зак.), всѣ дѣти, рож-

денныя въ законномъ бракѣ и не расторгнутомъ судомъ духовнымъ, признаются законными; рожденныя же отъ дѣвицъ, а также отъ матерей, разведенныхъ по духовному суду съ ихъ мужьями, и отъ вдовъ, по истеченіи трехсотъ шестидесяти дней со времени расторженія брака или смерти мужа, признаются незаконными т. е. „незаконнорожденными“!

Это опредѣленіе гражданскаго закона; но оно имѣетъ значеніе для Церкви при *записяхъ* въ метрическія книги, кои *признаются со стороны государства важнѣйшими церковно-приходскими документами, такъ какъ онѣ служатъ общими актами состояній.* Имена вступающихъ въ православную Церковь, т. е. крещенныхъ, вмѣстѣ съ именами родителей и воспріемниковъ вносятся въ книгу, которая составляетъ первую часть такъ называемыхъ метрикъ или метрическихъ книгъ.

Первая часть этой книги въ *значеніи гражданскомъ* составляетъ *главное доказательство* вѣроисповѣданія, происхожденія, имени и лѣтъ жизни, принадлежности къ семьѣ, къ сословію (дворянству, купечеству и проч.). Посему метрическое свидѣтельство, иначе—выпись изъ метрической книги записи акта о рожденіи и крещеніи, требуется при доказательствѣ правъ на наслѣдство, при поступленіи въ училище и вступленіи въ бракъ, въ дѣлахъ тяжебныхъ и проч.

Первоначальное происхожденіе метрикъ имѣло смыслъ исключительно церковный. Въ древнехристіанской Церкви существовали *диптихи* (списокъ) оглашенныхъ, въ кои вписывали пресвитеры

(иногда даже діаконы) новокрещенныхъ, т. е. званіе оглашенныхъ, степень усвоенія ими христіанской вѣры и время крещенія ихъ, а затѣмъ самые списки представлялись епископу. Для послѣдняго эти списки были необходимы для того, чтобы не причислить къ клиру людей несвободнаго состоянія, (рабовъ), недостаточно свѣдущихъ въ вѣрѣ (крещенныхъ во время болѣзни — клиниковъ), и новокрещенныхъ не посвятить на іерархическія степени (Ап. пр. 82; IV Всел. соб. пр. 4; Ап. пр. 80; I Всел. соб. пр. 2).

Кромѣ сего, диптихи о новокрещенныхъ, употреблявшіеся въ древне-христіанской церкви и замѣненные впослѣдствіи метрическими книгами, назывались у христіанъ *священнымъ* памятникомъ и имѣли и имѣютъ особенное *знаменованіе духовное*. Сіи книги въ смыслѣ церковномъ свидѣтельствуютъ о священныхъ и высокихъ обѣтахъ служенія Богу и Господу нашему Іисусу Христу, данныхъ родителями, воспріемниками и вступившими въ Церковь, и служатъ утѣшительнымъ залогомъ непрестанныхъ молитвъ Церкви о вѣрныхъ, принятыхъ ею въ свое попеченіе [1]).

Нѣкогда на страшномъ судѣ книги обѣтовъ разгнутся и, подобно письменамъ на судѣ гражданскомъ, будутъ, какъ говоритъ св. Златоустъ [2]), служить уликою и обвиненіемъ противъ нарушающихъ св. обѣты завѣта съ Богомъ.

Иначе: *этими записями Церковь удостовѣряетъ, что она облекла человѣка званіемъ христіанина и надѣлила*

[1]) Вас. Вел. XIII Бес. о принятіи крещенія.

[2]) Въ 1-мъ словѣ на Пятьдесятницу.

правами принадлежащими этому званію. А государство придало этимъ записямъ церковнымъ характеръ *гражданскаго значенія государственныхъ законовъ* (*актовъ о состояніи*). Для облегченія въ достиженіи собственныхъ цѣлей, Государственная власть воспользовалась записями церковными, чтобы чрезъ эти записи вести точную регистрацію населенія. И Церковь—помогаетъ Государству. И если бы Государство взяло исключительно въ свое вѣдѣніе эту регистрацію населенія Церковь съ величайшею охотою уступила бы эту регистрацію, оставивши для своихъ цѣлей только записи духовнаго свойства. На Западѣ мы и видимъ это раздѣленіе.

Въ руководственныхъ церковныхъ книгахъ (кормчей и др.) нигдѣ мы не найдемъ наименованія: *„незаконнорожденные“*.

Это наименованіе внѣ компетенціи Церкви. Оно введено государствомъ. Когда?

Можно сказать, что вообще это наименованіе вошло въ наше гражданское законодательство только въ истекающемъ 19-мъ столѣтіи, какъ это можно судить по цитатамъ къ статьямъ X-го тома свода законовъ.

Названіе же таковыхъ дѣтей въ прежнее время, въ Россіи, заимствовалось отъ *зазорной* жизни ихъ матерей, и, въ особенности, отъ *соблазнителей* послѣднихъ:

Въ уложеніи 1649 года, Алексія Михаиловича, въ главѣ 10-й, статьѣ 280-й читаемъ:

„А будетъ кто съ кѣмъ побранятся, назоветъ его сыномъ блуда, [1]) и тотъ, кого онъ назоветъ сыномъ блуда, учнетъ на него Государю бити челомъ о безчестьѣ, и съ суда сы-

[1]) Въ подлинникѣ поставленъ *терминъ болѣе рѣзкій*.

щется про того челобитчика допряма, что онъ не сынъ булда: и ему на томъ, кто его назоветъ сыномъ блуда, велѣть по сыску доправить безчестіе вдвое безо всякія пощады. А будетъ про того челобитчика съ сыску скажутъ, что онъ прямой сынъ блуда, прижитъ онъ у наложницы до законныя жены, или и при законной женѣ, или послѣ законной жены, и такимъ сыновомъ блуда въ безчестьяхъ отказывати, и къ законнымъ дѣтямъ того, кто его у наложницы приживетъ, не причитати, и помѣстей и вотчинъ того, кто его беззаконо прижилъ, ему не давать. А будетъ тотъ, кто того сына блуда у наложницы прижилъ, на той наложницѣ и женится: и ему того сына блуда въ законные дѣти не причитати же, и помѣстей его и вотчинъ тому его сыну блуда не давать потому, что онъ того сына блуда прижилъ у наложницы своей беззаконно до женитьбы".

Называя такъ и ограничивая дѣтей въ ихъ правахъ, древніе же русскіе законы грозили страшнымъ наказаніемъ дѣтоубійцамъ. Такъ, въ первомъ полномъ собраніи свода законовъ, т. 1-й № 441, (1669 года) въ статьѣ III-й читаемъ:

„А будетъ которая жена учнетъ жить блудно и скверно, и въ блудѣ приживетъ съ кѣмъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей сама, или иной кто по ея велѣнью погубитъ, а сыщется про то допряма: и такихъ беззаконныхъ женъ, и кто по ея велѣнью дѣтей ея погубитъ, казнить смертію безо всякой пощады, чтобъ на то смотря, иные такого беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали и отъ блуда унялись. А въ градскихъ законѣхъ написано: аще жена во чревѣ имуще, и зло помыслитъ на свою утробу, яко да изверженъ младенца, біема, отъ предѣла да изженется".

Значитъ все дѣло и въ наименованіи, и въ ограниченіи дѣтей зависитъ отъ настроенія и направленія законодательной власти въ государствѣ. И напрасно г. Розановъ говоритъ, что „государство ни малѣйше не имѣетъ права на это,—что разсужденіе о томъ, законны или незаконны дѣти есть вопросъ каноническаго права, долгій счетъ съ религіей" [1]).

[1]) № 8873, стр. 3.

Ниже мы скажемъ объ этомъ.

Что же касается Св. Церкви, то она, не давая дѣтямъ сама того или другого наименованія, въ своемъ попеченіи о спасеніи всѣхъ людей, творя волю Божію на землѣ, призываетъ въ благодатный союзъ съ Богомъ всѣхъ безъ изъятія, младенцевъ и взрослыхъ, дабы было, по глаголу Господа, едино стадо и единъ пастырь.

Попеченіе матери Св. Церкви о младенцахъ родителей христіанскихъ, *независимо отъ наименованія ихъ*, согласно закону гражданскому,—*законный или незаконный*, начинается отъ самаго рожденія ихъ: ко всякой рѣшительно родившей христіанкѣ Церковь приходитъ со своими очищающими молитвами, ко всякому новорожденному младенцу матери христіанки, даже и не-христіанки (подкидыши) приходитъ со своими охраняющими молитвами и спѣшитъ совершить надъ нимъ таинство крещенія, т. е. *немедленно облекаетъ званіемъ христіанина и надѣляетъ всѣми правами, принадлежащими этому званію.* Какого-либо различія между „законнорожденными и незаконнорожденными“ для Церкви не существуетъ. И въ древности, и вообще никогда въ исторіи Церкви христіанской, незаконнорожденность не препятствовала достиженію высшихъ сановъ и должностей церковныхъ, и нынѣ не препятствуетъ сему.

Изъ всего этого можно видѣть, что „церковь“, византійскія подробности“, „суровая церковность“, „Византія“, „Римъ“ нисколько не повинны въ „незаконнорожденности“, каковой терминъ такъ старается приписать именно имъ г. Розановъ.

IV.

Уничтоженіе г. Розановымъ всякой опоры нравственности.—Стыдъ, какъ основа нравственности.—Слова Соловьева о значеніи стыда и совѣсти.—Желаніе г. Розанова уничтожить бракъ и опасныя слѣдствія этого.—Ненадлежащее исканіе имъ опоры для своихъ воззрѣній.—Неправильный взглядъ на происхожденіе трехъ формъ брака отъ Моисея.—Можетъ ли бракъ зависѣть отъ случайностей? Можетъ ли священникъ заботиться объ упрощеніи формъ заключенія брака?—Забота пастырей о ненарушимости брака, о святости его, объ удаленіи препятствій ко вступленію въ бракъ.—Можно ли признавать и допускать безформенный бракъ?

Г-нъ же Розановъ, приписывая вину этого термина ненавистнымъ ему предметамъ и лицамъ, и не замѣчаетъ, что уничтоженіемъ этого термина, что проповѣдію своею о томъ, что бракъ по существу и, будто бы, даже на основаніи словъ Спасителя, есть только полосочетаніе, что незаконныхъ рожденій нѣтъ, что въ вѣнчаніи не сообщается даровъ Св. Духа и что оно не есть таинство,—не замѣчаетъ, что всѣмъ этимъ *онъ разрушаетъ вѣру и говоритъ хулу на Св. Духа и уничтожаетъ всякую опору нравственности*. Вѣдь, проповѣдуя, что церковь и стыдъ стоятъ поперегъ признанія законности всякаго рожденія, г. Розановъ противопоставляетъ этому полное безстыдство и этимъ *проповѣдуетъ явный развратъ*. Г. Розановъ приводитъ сначала слова г. Сѣраго (изъ журнала „Гражданинъ“) „Стыдъ—этотъ ужасный, вселенную наполняющій смрадомъ лжи, обмановъ, компромиссовъ, позорныхъ ухищреній и даже преступленій, *стыдъ материнства внѣ закона* (курсивъ нашъ) — есть лишь то свойство человѣческой натуры, которая направляетъ людей плыть по теченію жизни, а не противъ теченія [1]).— А послѣ этихъ словъ г. Розановъ продолжаетъ:

„Замѣчу здѣсь: мы даже любимъ революцію во всемъ, мы

[1]) № 8838 столбецъ 6.

фрондируемъ, и съ чувствомъ счастья, въ законахъ, модахъ, въ политикѣ, въ литературѣ. Но въ рожденіи мы никнемъ даже при всякой мысли о фрондѣ. Здѣсь мы отказываемся отъ всякой революціи. Первый революціонеръ и всякая анархистка становятся здѣсь кротки, какъ ягнята. „О, какъ бы родить законно!“

Когда вдумываешься въ эти тайны, въ эти инстинкты, растеряваешься: до чего же святы—всѣ эти рождающія, кротки, миролюбивы, законнолюбцы! [1]).

Итакъ, г. Розановъ сожалѣетъ, что у женщинъ, незаконно рождающихъ, остается еще какой-то стыдъ, и нѣтъ фронды, нѣтъ бравированія своимъ позоромъ, нѣтъ безстыдства.

И слава и благодареніе Богу, скажемъ съ своей стороны, что у женщинъ еще сохраняется стыдъ!

Вѣдь *стыдъ есть основа нравственности.*

„Чувство стыда есть отличительный признакъ человѣка, отличительная его особенность отъ прочихъ животныхъ, особенно въ половой стыдливости“, говоритъ В. С. Соловьевъ въ своей книгѣ „Оправданіе добра“. „Этотъ основной фактъ антропологіи и исторіи, незамѣченный или намѣренно пропущенный въ книгѣ современнаго корифея науки, былъ за три тысячи лѣтъ до него вдохновенными чертами отмѣченъ въ книгѣ болѣе авторитетной. „И открылись глаза у нихъ обоихъ (въ моментъ грѣхопаденія) и узнали, что наги они; и сорвали листьевъ смоковницы и сдѣлали себѣ опоясаніе. И услышали голосъ Превѣчнаго Бога..., и скрылись человѣкъ и жена его отъ лица Превѣчнаго Бога среди деревьевъ сада. И воззвалъ Превѣчный Богъ къ человѣку и сказалъ ему: *гдѣ ты?*—И сказалъ (человѣкъ): голосъ Твой услышалъ я въ саду и убоялся,

---

[1]) № 8838, столб. 8.

ибо нагъ я, и скрылся.—И сказалъ (Богъ): кто возвѣстилъ тебѣ, что ты нагъ?“ Въ моментъ грѣхопаденія въ глубинѣ человѣческой души раздается высшій голосъ, спрашивающій: гдѣ ты? гдѣ твое нравственное достоинство? Человѣкъ, владыка природы и образъ Божій, существуешь ли ты еще?—И тутъ же дается отвѣтъ: я услышалъ божественный голосъ, я убоялся возбужденія и обнаруженія своей низшей природы. *Я стыжусь, слѣдовательно, существую*, не физически только существую, но и нравственно, — я стыжусь своей животности, слѣдовательно, я еще существую какъ человѣкъ“ [1]).

„Чувство стыда переходитъ, въ видѣ *совѣсти*, на всю область человѣческой этики“. „Стыдъ и совѣсть говорятъ разнымъ языкомъ и по разнымъ поводамъ, но смыслъ того, что они говорятъ, одинъ и тотъ же: *это не добро, это не должно, это недостойно*“.

„Такой смыслъ уже заключается въ стыдѣ; совѣсть прибавляетъ аналитическое поясненіе: *сдѣлавши это не позволенное или не должное, ты виновенъ во злѣ, грѣхѣ, въ преступленіи*“ [2]). „Когда человѣкъ поступаетъ дурно въ какомъ-нибудь отношеніи,— ему бываетъ потомъ *совѣстно*. Вотъ настоящее душевное зерно всего человѣческаго добра и отличительный признакъ человѣка, какъ существа нравственнаго [3])“.

Вмѣстѣ съ этимъ приведемъ и другой взглядъ на значеніе стыда, на-дняхъ только что высказан-

[1]) „Оправд. добра“. 2-е изд., стр. 56 и 57.
[2]) Ibid, стр. 67.
[3]) Ibid, стр. 183.

ный. „Стыдъ можно считать средствомъ для предохраненія человѣка отъ половыхъ излишествъ, которыя особенно сильны могутъ быть у юношей, кровь которыхъ кипитъ, кровь которыхъ не уравновѣшена. Стыдъ и служитъ уравновѣшивающимъ началомъ. Онъ и не позволяетъ юношамъ до наступленія извѣстнаго возраста, до извѣстной зрѣлости, вступать даже и въ какія бы то ни было половыя сношенія. У юношей стыдъ и долженъ быть особенно силенъ. Когда же наступаетъ нормальный для половыхъ отношеній возрастъ, стыдъ, какъ предохраняющее начало, *естественно нѣсколько уже долженъ отступить на второй планъ.* Это и видимъ обыкновенно у взрослыхъ мужчинъ“ [1]).

Не здѣсь ли причина, что почти исключительно *только въ первый разъ* незаконно родившія дѣвушки умерщвляютъ своихъ дѣтей? А при послѣдующихъ, повторяющихся, незаконныхъ рожденіяхъ такія дѣвушки уже не умерщвляютъ дѣтей, и даже бравируютъ своимъ положеніемъ.

Блаженный же Августинъ „чувство стыдливости считаетъ результатомъ чувствительности къ потерѣ и утратѣ первобытной гармоніи между тѣломъ и духомъ, каковая дисгармонія ощутительно и рельефно обнаруживается въ актѣ плотскаго вожделѣнія, каковыя и составляютъ предметъ наибольшаго стыда, даже въ случаѣ законнаго пользованія похотью въ бракѣ. Человѣческая душа стыдится того, что приличное по природѣ совершается такъ, что

[1]) Христ. Чтеніе 1900 г. Ноябрь, стр. 768. Статья профессора А. А. Бронзова.

его сопровождаетъ нѣчто постыдное, привзошедшее въ природу человѣка, какъ наказаніе“ [1]).

А у дѣвицъ, незаконно родившихъ, это нѣчто постыдное, безъ ихъ желанія, проявляется уже предъ всѣми (плодъ—ребенокъ); отсюда желаніе скрыть ребенка, убить.

Это-то зерно, этотъ-то благодѣтельный для людей стыдъ г. Розановъ и думаетъ уничтожить у женщинъ и мужчинъ, рождающихъ дѣтей не въ бракѣ, и очень сожалѣетъ о присутствіи его у нихъ.

„И тѣмъ ужаснѣе, говоритъ онъ далѣе, что къ этой-то воплощенной простотѣ и примиренію поднесено жало отрицанія. „Не признаемъ тебя! Нѣтъ тебѣ закона!“ „И тогда (прибавляетъ г. Розановъ), опять чрезъ ужасную муку, дитя умерщвляется его кротчайшею матерью, на все бы согласною, на все бы готовою, лишь бы ее признали, и не находящею этого признанія“...[2])

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Розанова, надобно уничтожить бракъ, какъ приводящій къ татакимъ печальнымъ послѣдствіямъ, т. е. уничтожить бракъ, какъ что-то низшее, во имя высшихъ нравственныхъ требованій.

Но, скажемъ словами В. С. Соловьева:

„Въ нравственности вообще высшія требованія не отмѣняютъ низшія, а предполагаютъ ихъ и включаютъ въ себя. Казалось бы, это само собою разумѣется; между тѣмъ, многіе не понимали и не понимаютъ этой простой и ясной истины. Такъ, по ученію нѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ, древнихъ и новыхъ, высшее правило безбрачія отмѣняетъ седьмую заповѣдь, какъ низшую, вслѣдствіе чего

[1]) Ibid, стр. 770.

[2]) № 8838, столб. 7.

эти сектанты, отрицая бракъ, охотно допускаютъ всѣ виды блуда. Очевидно, они заблуждаются“ [1]).

Очевидно заблуждается и г. Розановъ.

Заблуждается онъ и въ томъ, что стремится найти подкрѣпленіе своимъ воззрѣніямъ въ письмахъ священнослужителей. Послѣдніе, зная хорошо духъ Церкви, ея любвеобильное, чисто материнское отношеніе ко всѣмъ, едва ли могли бы высказать то, что напечатано въ № Нов. Вр. 8868-мъ, стр. 4, столб. 8, отъ имени будто бы нѣкоего протоіерея А. У.

Выше уже нами было выяснено, какъ Церковь со своею благодатною помощію приходитъ рѣшительно ко всѣмъ, какъ она исполняла всегда, исполняетъ и будетъ исполнять всѣ завѣты Спасителя объ отношеніи къ дѣтямъ, о чемъ, какъ будто бы дѣлая какое-то открытіе, говоритъ авторъ приводимаго въ Нов. Вр. письма.

Странно, почему пр. У. скрылъ подъ иниціалами свою фамилію и не высказалъ прежде своихъ мыслей своимъ собратіямъ—пастырямъ, укоряя ихъ теперь будто бы въ ихъ не-христіанскомъ отношеніи къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ.

Еще болѣе страннымъ представляется со стороны А. У. признаніе прекраснымъ и заслуживающимъ практическаго осуществленія проекта г. Розанова о троякой формѣ брака. Еще свѣтское лицо, какъ напр. г. Розановъ, можетъ высказать, что будто бы древне-библейская жизнь (!) допускала троякую форму брака. Моисей вовсе не установлялъ

[1]) Ibid, стр. 128.

трехъ формъ для заключенія брака, какъ это говоритъ г. Розановъ въ № 8858, столб. 3-й. Эти формы придуманы гораздо позднѣе временъ Моисея раввинами.

И для какой это надобности эти три формы? Развѣ *совершеніе* таинства брака можетъ быть обусловлено случайностію? Развѣ можно сравнивать заключеніе брака съ крещеніемъ повивальною бабкою младенца родившагося слабымъ?

И объ исповѣди *нигдѣ не оговорено*, какъ стремится доказать г. Розановъ, что „она можетъ быть и глухая".

И если люди не сходятся другъ съ другомъ какъ звѣри (что возможно только во время полнаго упадка нравственности), то можетъ ли быть какое либо море случайностей въ заключеніи брака?

И можетъ ли какой либо священникъ признать вѣрными, а тѣмъ болѣе заслуживающими практическаго осуществленія, слова г. Розанова:

„Если бракъ стоитъ у насъ на равной степени съ другими таинствами, и мы ни въ мысли, ни соціально *(еще бы!)* не допускаемъ прелюбодѣянія, мы должны установить и выработать, для моря случайностей, кромѣ сложныхъ и болѣе упрощенныя формы заключенія брака, напримѣръ вплоть до одного благословенія родителей, или до простой мѣны кольцами, даже до простого факта супружества" [1]).

Вѣдь это же попраніе и отрицаніе всякаго таинства и допущеніе полнаго распутства! И можетъ ли согласиться съ этимъ какой-либо священникъ? Но далѣе г. Розановъ возводитъ уже явную клевету на духовенство, что оно изъ-за денегъ [2]), изъ-за

[1]) № 8858 столб. 2.
[2]) № 8876, стр. 3.

корысти выдумало, что бракъ есть таинство. Вотъ его слова:

Къ разсужденію покойнаго Филиппова я прибавлю одно указаніе, которое не замѣчается, а оно бьетъ въ глаза яркостью. Есть понятіе „симоніи", или взятіе денегъ за сообщеніе даровъ Св. Духа. Въ Церкви это считается страшнымъ грѣхомъ. Поэтому священнику никогда и въ голову не можетъ придти обусловить предварительно плату за крещеніе, причащеніе или исповѣдь. Но за вѣнчаніе плата обусловливается, и это было всегда и вездѣ, не возбуждая вопроса. Совершенно очевидно, что у духовенства самаго существуетъ сбивчивость представленій о вѣнчаніи, и если оно не колебалось брать предварительно и въ точно опредѣленной суммѣ плату за него, и никѣмъ никогда въ этомъ сверху не было остановлено,—то ясно, что по всеобщему представленію его самого въ вѣнчаніи не сообщается даровъ Св. Духа и оно не есть таинство. Между тѣмъ догматъ о „бракѣ—таинствѣ" неискоренимъ и ежеминутно-ярокъ въ православномъ; и, не содержась въ вѣнчаніи (иначе—симонія), онъ, очевидно, содержится въ тайнѣ фактическаго рожденія и супружества.

И для поясненія этого, т. е. что духовенство даже имѣло право такъ дѣлать, онъ говоритъ: [1]).

Есть ѣда, сонъ и множество еще другихъ физіологическихъ дѣйствій или состояній. Конечно, вся жизнь наша таинственна,—но въ разной мѣрѣ. Однако, Церковь не возвела ни одно состояніе или дѣйствіе, духовное или физіологическое,—напримѣръ науку или вкушеніе пищи—въ „таинство", и только возвела въ него бракъ,—очевидно, по исключительной таинственности и важности момента размноженія. Но этотъ моментъ, или, точнѣе кругъ моментовъ, при наличности всякаго рожденія—тотъ же; слѣдовательно, какъ въ гражданскомъ бракѣ могутъ быть дѣти „законныя" и „внѣ-законныя", такъ въ кругѣ ученія о таинствѣ всѣ дѣти суть равно „законныя" („въ таинствѣ текущія").

Въ докладѣ нашемъ пастырскому собранію с.-петербургскихъ столичныхъ пастырей, 1-го Декабря 1898 года: „*Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожительствъ?*"—мы выяснили (стр. 9), какъ „пастыри озабочены тѣмъ,

[1]) № 8876, стр. 3.

чтобы обставить совершеніе таинства брака полнымъ благоговѣніемъ и со стороны совершителей, и со стороны брачущихся, и со стороны присутствующихъ при бракосочетаніяхъ, для того, чтобы устранить причины, которыя могли бы внести поврежденіе въ тайну брака при *самомъ совершеніи* этой тайны".

Тутъ уже дѣло идетъ не о наживѣ духовенства, не объ упрощеніи формы заключенія брака. *Итакъ, ясно, что мы признаемъ бракъ таинствомъ.*

Въ томъ же докладѣ со скорбію было повѣдано нами и о *причинѣ*, нисколько, впрочемъ, не зависящей отъ воли пастырей, *повреждающей* законъ о *нерушимости* таинства брака послѣ заключенія его: это—„статья гражданскаго узаконенія нашего, требующая записывать дѣтей законными, хотя бы всѣмъ извѣстно было о незаконномъ происхожденіи дѣтей" (Докл., стр. 9). Напрасно, слѣд., и Новое Время, и г. Энгельгардтъ, и г. Розановъ хотятъ отнести это на счетъ духовенства.

Пастыри заботились всегда и заботятся о сохраненіи *святости брака*. Это можно видѣть изъ указаннаго же доклада (стр. 8 и 9).

Тамъ же (стр. 10) указано на *ясное сознаніе* духовенствомъ *необходимости* отмѣны ограниченія правъ на вступленіе въ бракъ лицъ, достигшихъ полной физической зрѣлости, на что указываетъ и г. Розановъ, какъ на причину происхожденія „незаконныхъ" дѣтей. Только г. Розановъ несправедливо пользуется этимъ случаемъ для защиты такъ полюбившагося ему тайнаго (т. е., безъ церковнаго вѣнчанія, вообще безформеннаго) брака. „Здѣсь,—при ограниченіи правъ на бракъ офицеровъ и учениковъ высшихъ

учебныхъ заведеній,—опять образуется, *говоритъ г. Розановъ*, въ сущности тайный [1]) бракъ, который вовсе и не разорвался бы, не будь страха и гнета стыда [2]), т. е. былъ бы счастливъ и длителенъ, если бы не законъ [3]).

И немыслимо допустить, чтобы кто-нибудь изъ священниковъ рѣшился отвергнуть этотъ ненавистный г. Розанову законъ и высказать такія слова, какія, будто бы, высказалъ протоіерей А. У., какъ это напечатано [4]) въ № 8868-мъ „Новаго Времени", по поводу формы метрическихъ записей:

„Вторая форма должна быть для всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ случаевъ, когда въ наличности является семья, состоящая изъ невѣнчавшихся въ церкви сожителей, все равно: будутъ ли это холостой человѣкъ и дѣвушка, сошедшіеся и начавшіе семейную жизнь безъ вѣнчанія, или мужъ, покинутый сею его женою и нашедшій себѣ новую сожительницу, или жена, покинутая своимъ мужемъ и вступившая въ связь съ новымъ сожителемъ. Вообще—всѣ случаи невѣнчанныхъ сожительствъ, когда отецъ и мать ребенка налицо, не отпираются отъ своего дѣтища, а напротивъ признаютъ его своимъ".

И послѣ этого скрывающійся подъ иниціалами авторъ заключаетъ:

„Пока эти три формы (о второй изъ коихъ мы сказали сейчасъ) метрическихъ записей не будутъ узаконены, не будетъ въ общественной жизни никакого порядка".

Могъ ли, и можетъ ли какой-либо священникъ, по долгу пастырской совѣсти, проповѣдывать открыто такой безформенный бракъ и говорить, что только при такомъ бракѣ и будетъ порядокъ въ общественной жизни?

---

[1]) Т. е. „нераспубликованный", говоритъ далѣе г. Розановъ.

[2]) Справедливо ли это утвержденіе г. Розанова, выше было показано нами.

[3]) № 8873, стр. 4.

[4]) Письма лицъ, дѣйствительно приславшихъ таковыя въ редакцію, не напечатаны ею, такъ какъ онѣ противоположны взглядамъ, проводимымъ ею.

Между тѣмъ, какъ во всемъ мірѣ безформенные браки признавались всегда и признаются первымъ зломъ, разстраивающимъ именно всякій порядокъ въ общественной жизни.

И отчего г. Розановъ не обратитъ вниманіе на то, что и у животныхъ есть полосочетаніе; но есть ли у нихъ бракъ?—Вѣдь, только одни существа человѣческаго рода, во всемъ мірѣ, прежде чѣмъ войти въ полосочетаніе, заявляютъ въ *такой* или *иной* формѣ о своемъ этомъ намѣреніи или родителямъ, или общинѣ, да непремѣнно и требуютъ, чтобы это заявленіе было признано, или иначе утверждено, чтобы всякій членъ общины зналъ,— по крайней мѣрѣ родители (представители Бога?),— что они мужъ и жена, что они съ сего времени „законны". Для чего это?—Несомнѣнно тутъ сказывается не только „стыдъ *материнства внѣ закона*", но и какое-то непреодолимое сознаніе, что безъ какого-то высшаго (Божественнаго, такъ какъ всякая власть (родители, община) отъ Бога, — опять-таки, хотя неясное, но вездѣ есть это сознаніе) утвержденія и благословенія не *могутъ* они *сами собою* устроить свою семейную жизнь, *хорошо, счастливо*. И только послѣ такого заявленія или утвержденія (въ такой или иной формѣ) полосочетающіеся *получаютъ внутреннее убѣжденіе*, что и всякая власть (въ лицѣ ли родителей, общины и т. п.) будетъ ограждать своимъ вліяніемъ законныя отношенія ихъ, ихъ интересы, а также признаетъ и будетъ ограждать и происшедшихъ отъ нихъ дѣтей. И только у животныхъ не замѣчается этого предварительнаго (предъ полосочетаніемъ) заявленія предъ своимъ „стадомъ?"

Не хочетъ ли г. Розановъ свести существа человѣческаго рода на степень животныхъ?

Но, очевидно, онъ и самъ находитъ нужнымъ это *оказательство прежде полосочетанія*. Ибо онъ говоритъ въ письмѣ своемъ отъ 11-го ноября:

„Совершенно безспорно, что таинство брака въ Бытіи, 1, и въ Еванг. Матѳ., 19, основано было реально, и дано человѣку къ реальному внушенію; и сіе реальное таинство и реальное его внушеніе, очевидно, и составляетъ ядро его.

Само собой, однако, что моментъ, столь важный для государства и общества, не можетъ происходить какъ-нибудь втихомолку и не можетъ оставаться res privata; отъ этого получилась бы такая темь темноты, гдѣ прежде всего частные же люди ушибались бы лбами и расквашивали бы себѣ носы. Отсюда — публичный характеръ брака, какъ и пышный уборъ обряда. Множество подробностей и между ними не послѣдняя—чтобы все происходило не на дому, а въ церкви. Все это глубоко цѣлесообразно, нужно, желательно, важно; мы это исполняемъ и должны исполнять „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“, по обязанности не только передъ Церковью, но и передъ государствомъ [1]).

Здѣсь г. Розановъ уже, вопреки ранѣе сказанному имъ относительно Церкви и духовенства, именно: „что нѣтъ нужды въ таинствѣ брака, такъ какъ его выдумало корыстолюбіе духовенства“, находитъ нужнымъ и необходимымъ исполнять обязанности предъ Церковію „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“.

Но далѣе онъ опять хочетъ выпутаться изъ невольно высказавшагося противорѣчія и говоритъ:

Однако, тонкій критикъ легко различитъ это требованіе благоразумія и осторожности въ отношеніи столь огненной и стихійной вещи, какъ сближеніе половъ, и не смѣшаетъ непремѣнно-нужныя прибавленія съ зерномъ дѣла, каковымъ навсегда остается одно: тайна чадородія, протекающая въ чистотѣ, вѣрности другъ другу, единеніи духовномъ и физическомъ [2]).

[1]) № 8876, стр. 3 и 4.

[2]) Ibid, стр. 4.

И далѣе онъ поясняетъ, въ чемъ именно зерно дѣла: Догматъ о „бракѣ—таинствѣ" неискоренимъ и ежеминутно-ярокъ въ православномъ; и, не содержась въ вѣнчаніи (иначе—симонія), онъ, очевидно, содержится въ таинѣ фактическаго рожденія и супружества [1]).

V.

Невозможность сравненія вопроса о «незаконнорожденности» съ вопросомъ объ «обрѣзаніи» въ апостольскомъ вѣкѣ.—Ученіе Церкви о грѣховномъ рожденіи человѣка и наименованіе его, вслѣдствіе этого, «безблагодатнымъ».—Ошибочное мнѣніе г. Розанова объ отношеніи Церкви къ «безблагодатнымъ».—Дѣйствительное, на основаніи Евангелія, отношеніе Церкви къ «безблагодатнымъ».—Молитвы Церкви о родившей и о новорожденномъ. Почему надобно молитвенно воспоминать день рожденія?—Попеченіе Церкви о «зачатыхъ» только младенцахъ.

Здѣсь прежде всего замѣтимъ относительно приводимой въ письмѣ прот. А. У. ссылки на то, что, по автору, согласно будто бы съ г. Розановымъ, есть въ понятіи „незаконнорожденности" религіозно-философскій споръ и тяжба. И далѣе очень страннымъ и несообразнымъ съ существомъ дѣла и исторіей представляется со стороны священника сравненіе вопроса о „незаконнорожденности" съ великимъ споромъ апостольскаго вѣка объ „обрѣзаніи". Эти два предмета никакъ не сравнимы между собою. Да и благоговѣющій предъ Церковью апостольскаго вѣка служитель Церкви никакъ не дерзнетъ дѣлать такихъ сопоставленій.

Что касается, собственно, такъ называемой г. Розановымъ, *религіозно-философской тяжбы*, *то* его слова въ письмѣ отъ 11-го Ноября: „Не пытаясь никого убѣдить, я сохраняю про себя и для себя убѣжденіе, что „таинства брака", „брака, какъ религіознаго таинства", въ Европѣ не существуетъ. Если есть и пока есть хоть одинъ ребенокъ,

[1]) Ibid, стр. 3.

именуемый „незаконнорожденнымъ“,—невозможно доказать живость и присутствіе у насъ этого таинства по слѣдующей второй причинѣ:

Есть ѣда, сонъ и множество еще другихъ физіологическихъ дѣйствій или состояній. Конечно, вся жизнь наша таинственна,—но въ разной мѣрѣ. Однако, Церковь не возвела ни одно состояніе или дѣйствіе, духовное или физіологическое, напримѣръ науку или вкушеніе пищи, въ „таинство“ и только возвела въ него бракъ очевидно—по исключительной таинственности и важности момента размноженія. Но этотъ моментъ, или, точнѣе, кругъ моментовъ при наличности всякаго рожденія—тотъ же: слѣдовательно, какъ въ гражданскомъ бракѣ могутъ быть дѣти „законныя“ и „внѣ-законныя“, такъ въ кругѣ ученія о таинствѣ всѣ дѣти суть равно „законныя“ („въ таинствѣ текущія“).

и его вопросъ:

„Можно ли говорить о появленіи человѣка на свѣтъ, низпаденіи на землю его безсмертной души въ порядкѣ „Гражданскаго уложенія“? т.-е. называть „рожденіе незаконнымъ“, такъ какъ это вопросъ религіозный...“—

Имѣютъ себѣ отвѣтъ въ словахъ св. Писанія: „*Я въ беззаконіи зачатъ, и во грѣхѣ родила меня мать моя*“ (Пс. 50, 7).

Религія, Церковь, на основаніи этихъ ясныхъ словъ священнаго Писанія признаетъ рожденіе грѣховно-болѣзненнымъ, недобротнымъ: „*сквернави вси есмы предъ тобою*“, говорится въ молитвѣ церковной „въ первый день, по внегда родити женѣ отроча“. Церковь учитъ, что, происходя отъ Адама, согрѣшившаго и осужденнаго, человѣкъ зачинается и рождается въ состояніи грѣха и осужденія; отчего самое рожденіе, коимъ распространяется (Пс. 50, 7; Римл. 5, 12 и 18) прародительскій грѣхъ и осужденіе, сопровождается болѣзнями (Іоан. 16, 21; Быт. 3, 16) и отлученіемъ отъ Церкви (Лев. 12 гл.).

---

[1]) № 8876, стр. 3.

Итакъ, Церковь признаетъ человѣка, явившагося въ міръ, нечистымъ, несвятымъ, т.-е. дѣлаетъ то же, что и „гражданское уложеніе“, которое именовываетъ человѣка, въ извѣстномъ случаѣ, „незаконнорожденнымъ“, т.-е. лишеннымъ нѣкоторыхъ правъ.

И предъ Церковію всякій новорожденный— „безправенъ“, „безблагодатенъ“, ибо кто внѣ Церкви, тотъ и внѣ благодати.

Но, вотъ, тутъ-то г. Розановъ и ошибочно смотритъ на дальнѣйшее отношеніе Церкви къ этимъ „безблагодатнымъ.“ Если, говоритъ онъ, въ своей природѣ дѣти и рожденіе столь не благодатны, то и благословить, очевидно [1]), вовсе и нисколько нельзя“.

Г. Розановъ, постоянно желающій основываться на Евангеліи, и забываетъ въ данномъ случаѣ слова Евангелія: *„Не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные. Пойдите, научитесь, что значитъ: милости хочу, а не жертвы? Ибо я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію“*. (Мар. 9, 12 и 13 и Осіи 6, 6).

Вѣрная завѣтамъ и примѣру своего Основателя, Православная Церковь, по грѣховно-болѣзненномъ рожденіи младенца христіанскихъ родителей, признавая въ то же время рожденіе и радостнымъ событіемъ (Іоан. XVI, 21), поспѣшаетъ на помощь родившей и слабому ея младенцу съ своими материнми и утѣшительными молитвами. И тѣ родители, кои вѣрятъ благодати и молитвѣ Православной Церкви, присоединяются всѣмъ сердцемъ къ этой

[1]) № 8858, столб. 8.

молитвѣ. Безъ вѣры не полезна молитва [1]). И молитва учреждена въ Церкви не какъ благовидный обрядъ, но какъ духовная помощь и орудіе къ привлеченію благодати Божіей, милующей и спасающей. Своими молитвами у постели родившей и у колыбели новорожденнаго Церковь умилостивляетъ Вседержителя, исцѣляющаго всякій недугъ, давшаго заповѣдь: раститеся и множитеся; проситъ Самаго благоволившаго родиться отъ Пречистыя Дѣвы и бывшаго младенцемъ, помиловать родившую, простить ей прегрѣшенія, даровать здравіе и благоволеніе душѣ и тѣлу, очистить отъ скверны ее и весь домъ, въ коемъ родилось отроча, всѣхъ прикоснувшихся ей и всѣхъ обрѣтающихся въ немъ, молится также помиловать и сохранить новорожденнаго младенца и сподобить его поклониться земному храму Господа, уготованному для славословія Его святаго имени. Такія молитвы Церковь произноситъ съ древнихъ временъ, съ первыхъ вѣковъ христіанства.

А такъ какъ жизнь человѣка есть, по взгляду Церкви, высочайшій даръ Божій, имѣющій вѣчно продолжаться, и самое рожденіе есть событіе всегда радостное, потому что оно есть знаменіе творческой силы, распространеніе и торжество жизни и славы Божіей; то православная Церковь руководствуетъ вѣрующихъ ежегодно воспоминать день своего рожденія съ благодареніемъ Богу Творцу и Промыслителю и духовною радостію. А благодареніе и радость всего приличнѣе выражать молитвою

---

[1]) Филар. М. М.

Богу и благотвореніемъ ближнимъ, чтобы они, вспомоществуемые нами, особенно во дни нашихъ рожденій, имѣли сильнѣйшее для себя побужденіе къ молитвамъ о безгрѣшномъ и благополучномъ продолженіи дней нашей жизни.

Согласно съ заповѣдію Господа, внушающею намъ любить другъ друга, какъ Онъ возлюбилъ насъ (Іоан. XIII, 34), и жизнь ихъ и свою беречь, какъ высочайшій даръ любви Божіей и источникъ благополучія временнаго и вѣчнаго, Церковь издревле постановила налагать эпитимію на женъ, извергшихъ зачатаго младенца, и тѣмъ учинившихъ убійство волею или неволею. Но, не лишая женъ, извергшихъ зачатый плодъ, своего молитвеннаго предстательства и утѣшенія, Церковь и къ нимъ поспѣшаетъ на помощь и умоляетъ милосерднаго Господа помиловать ихъ, простить имъ грѣхи, исцѣлить и очистить ихъ и бывшихъ при нихъ.

Можно ли же послѣ всего сказаннаго говорить, какъ это дѣлаетъ г. Розановъ, что Церковь отлучаетъ дѣтей, проклинаетъ ихъ, что для „незаконнорожденныхъ“ дѣтей наиболѣе точный терминъ: „неблагословенныя дѣти“.

Напротивъ, Церковь-то всѣхъ рѣшительно и благословляетъ.

Государственная
ордена Ленина

VI.

Обязанность Церкви исполнять требованія государства.—Права государственной власти.—Самостоятельность и взаимныя отношенія Церкви и государства.—Естественность союза Церкви и государства.—Обязанности государства къ Церкви и Церкви къ государству.—Отношеніе Церкви къ самодержавной власти.—Дѣла смѣшаннаго церковно-гражданскаго характера. На чемъ основывается государство при узаконеніи термина «незаконнорожденныя». Благоговѣніе предъ Церковію и богословскія соображенія.

Но г. Розановъ пишетъ: Вопросъ идетъ вовсе не объ устраненіи неточнаго и едва ли вѣрнаго термина: вопросъ „незаконнорожденности“ есть вопросъ о правѣ закона и религіи лишать дѣтей ихъ родителей, а у родителей отнимать ихъ дѣтей". Фразы въ высшей степени темныя и дышащія злобою противъ закона и религіи.

Но уже выше сказано, что Церковь, даруя, съ своей стороны, всѣ блага духовныя всякому новорожденному, нисколько неповинна въ терминѣ „незаконнорожденности“, хотя и вноситъ его въ свои списки. Здѣсь Церковь исполняетъ требованія государства.

Вѣдь государство, какъ государство, не подчинено Церкви, и потому государственная власть можетъ, по своему усмотрѣнію, составить законъ и подчинить ему всѣхъ подданныхъ, не исключая церковной іерархіи.

Государственная власть, сообразно съ цѣлями государственнаго управленія, можетъ распространять или ограничивать нѣкоторыя *гражданскія права званій и лицъ* принадлежащихъ Церкви. Какъ послѣдняя независима въ своей сферѣ и совершенно самостоятельна въ раздаяніи благодатныхъ, усвоенныхъ ей даровъ, такъ и государство самостоятельно и независимо въ своей сферѣ. Но та и другая находятся въ союзѣ и имѣютъ взаимныя обязанности

по отношенію другъ къ другу. Этотъ союзъ не необходимъ для существованія Церкви, хотя и полезенъ для той и другой стороны. Но не взаимная польза есть первое основаніе союза ихъ, а самостоятельная истина.

Союзъ Церкви и государства вполнѣ естественный: христіанскій государь со своимъ величествомъ повергся предъ святыней алтаря Христова.

У государя, сдѣлавшагося „слугою“ Христа, и у Церкви естественно возникли общіе интересы, именно: „вѣра, благочестіе, созиданіе блага христіанъ и человѣковъ. Церковь проповѣдуетъ благочестіе; благочестивый государь мудрымъ и благодѣтельнымъ управленіемъ охраняетъ благочестіе и миръ Церкви“.

Какъ слѣдствіе союза съ Церковію, у христіанскаго государства появились слѣдующія обязанности: Православное государство должно чтить православную Церковь, уважать ея права, опредѣленныя церковными правилами.

Православное правительство не можетъ объявить „недѣйствительными“ апостольскія и соборныя правила, не можетъ также издать закона „противоборствующаго Церкви и ея правиламъ“, ибо въ этомъ случаѣ нарушилась бы гармонія Церкви и государства. Эта гармонія налагаетъ на государство, кромѣ того, долгъ охраны и защиты Церкви, покровительства ей въ сравненіи съ другими вѣроисповѣданіями и, наконецъ, попечительства о внѣшнемъ благѣ ея.

Въ силу той же гармоніи и православная Церковь должна помогать, содѣйствовать православному государству въ достиженіи его цѣлей.

Основное начало, которымъ руководствуется Цер-

ковь въ отношеніи государства, содержится въ Евангельской заповѣди: *„воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богови“*. Эту заповѣдь Восточная Православная Церковь никогда не раздѣляла на двѣ противоположныя части и всегда старалась и старается одну другою поддерживать, а не ослаблять. Іерархія Православной Церкви не обязана повиноваться государственной власти только тогда, когда ее принуждаютъ признать то, что противно Закону Божію и ея совѣсти. Въ этомъ случаѣ православная іерархія должна лучше пострадать, нежели подчиниться такому принужденію, по слову апостольскому: *„повиноваться больше Богу, нежели людямъ“* (Дѣян. 5 гл., 29 ст.).

Россія, замѣтимъ здѣсь, есть единственное государство въ Европѣ, въ которомъ и правительство и народъ вполнѣ признаютъ, что нѣсть власть, аще не отъ Бога. И Государь всю законность свою получаетъ отъ церковнаго помазанія, изъ чего вытекаетъ, что положеніе Церкви и отношеніе ея къ самодержавной власти не сходно съ положеніемъ церквей въ государствахъ католическихъ и протестантскихъ.

Будучи самостоятельнымъ и не смѣшиваясь съ гражданскимъ, духовное вѣдомство находится въ тѣсномъ соотношеніи съ послѣднимъ. Очень многія дѣла смѣшаннаго церковно-гражданскаго характера касаются того и другого вѣдомства, а потому должны вѣдаться и рѣшаться вмѣстѣ церковною и гражданскою властью.

Таковы акты, заносимые въ метрическія церковныя книги, о рожденіи и бракосочетаніи.

Поэтому, напрасны восклицанія Г. Розанова: „О, пусть бы государство учило о „незаконнорожденности". Оно не понимаетъ; для него, дѣйствительно, все только есть „наука"; оно, наконецъ, свѣтско, его преданія—въ Римѣ".

Государство наше, самостоятельно опредѣляя терминъ „незаконнорожденности", и узаконяя его для церковныхъ записей, выходитъ, вѣроятнѣе всего, изъ духовныхъ началъ. Благоговѣя предъ св. Церковію, оно вѣритъ въ освящающія молитвы св. Церкви, оно вѣритъ въ святость брака, какъ таинства, и поэтому оно въ правѣ называть дѣтей отъ безформеннаго, неблагословеннаго Церковію сожитія: „незаконнорожденными",—оно въ правѣ и лишать ихъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Государство въ правѣ *„удлинить мысль"* Церкви, какъ говоритъ г. Розановъ, что „Общество въ правѣ удлинить мысль государства, проливая жесточайшее нравственное осужденіе, какъ лютое негодованіе на такихъ отрекающихся „папашъ".

Плохъ тотъ отецъ, котораго надо отыскивать. Конечно, ни въ нравственномъ и ни въ какомъ смыслѣ это уже не отецъ. Лично я—противъ подобныхъ отысканій, ибо они породили бы только невыносимую злобу отца къ ребенку и матери его, ребенка—къ отцу. Нѣтъ, кто скрытъ—пускай и скрывается. Государство наше требуетъ съ таковыхъ пенсіи въ пользу ребенка. Благая мѣра, хоть и жестоко-государственная: „Ты родилъ, ты и корми, а то куда же я дѣну нищихъ". Тутъ въ смыслѣ привлеченія отца больше нечего сдѣлать" [1]).

Но странными и фактически невѣрными являются слѣдующія слова Розанова:

Но для чего государство отдѣляетъ такого ребенка отъ матери, ввергая его въ круглое сиротство? Въ письмѣ въ редакцію „Новаго Времени" священника Л. У. было правильно указано, что такой ребенокъ долженъ получать фамилію матери и отчество дѣда, и, конечно, права (или ихъ часть) имущественнаго наслѣдованія матери. Да чуть ли законопроектъ объ этомъ уже и

[1]) № 8876, стр. 4.

не внесенъ въ наши государственныя учрежденія; въ прошломъ году, въ обозрѣніи хроники законодательныхъ событій за годъ, упоминалось объ этомъ въ „Гражданинѣ“. Такъ какъ поводомъ къ моимъ статьямъ было дѣтоубійство и дѣво-убійство, то все, на чемъ я настаиваю—это на снятіи всякаго религіознаго, государственнаго и общественнаго клейма съ такихъ случаевъ, на безмолвномъ: „Не разлучаемъ тебя съ ребенкомъ, не раздѣляйся съ нимъ, и добрымъ его воспитаніемъ и заботою ты станешь на ряду со всѣми другими матерями“ **).

Когда и гдѣ государство отдѣляетъ ребенка отъ матери? Если только сама мать не противится, то всегда ребенокъ (незаконнорожденный) и получаетъ ея фамилію:

Не „миражъ“ ли это г. Розанова?

Государство ограничиваетъ рожденныхъ внѣ законнаго брака дѣтей въ правахъ?... Это — его дѣло. Но при этомъ оно, несомнѣнно, имѣетъ въ виду и богословскія соображенія, вопреки которымъ г. Розановъ говоритъ, что смерть свята и рожденіе свято и прибавляетъ также вопреки своимъ, ранѣе сказаннымъ словамъ, что вопросъ „незаконнаго рожденія“ нисколько не есть вопросъ гражданскаго законодательства, а религіозный философскій вопросъ и частью судебно-религіозная тяжба.

VII.

Судебнорелигіозная тяжба. — Законна ли смерть? — Незаконноумершіе. — Смерть -незаконна.— Происхожденіе зла и распространеніе его въ человѣческомъ родѣ.—Слѣдствіе зла.—Смерть духовная: а) удаленіе человѣка отъ Бога и Бога отъ человѣка, т. е. уменьшеніе духовныхъ силъ и жизни; б) разстройство воли; в) поврежденіе ума; г) смерть физическая—оброкъ грѣха; д) физическое зло; е) первородный грѣхъ: его всеобщность и прирожденность; его наслѣдственность; непостижимая тайна виновности всѣхъ въ грѣхѣ; грѣховность младенцевъ новорожденныхъ; рожденіе—не свято.—Гдѣ ключъ правильнаго пониманія рожденія и смерти?—Какъ мы можемъ получить оправданіе во Христѣ?—Какъ участвуютъ въ искупленіи? Необходимость св. таинствъ.—Крещеніе.—Бракъ.

Вотъ къ этой судебно-религіозной тяжбѣ, какъ это хочется г. Розанову, и перейдемъ, сдѣлавши при этомъ, по необходимости, экскурсію и въ ту *„двойственность ранныхъ отдѣловъ богословія"*, какъ говоритъ г. Розановъ, *„на которой покоится, будто бы, ученіе о незаконнорожденности и весь огромный итогъ уже погубленныхъ дѣтей"*.

Законна ли смерть? — По мнѣнію г. Розанова смерть не только законна, но она—свята. Поэтому и рожденіе—свято. Поэтому нѣтъ незаконнорожденныхъ, нѣтъ и незаконноумершихъ. Поэтому надобно вычеркнуть и „незаконное рожденіе". Иначе нарушается основная, всюду разлитая въ природѣ гармонія между жизнью и смертью. Уравновѣшеніемъ законности рожденія и законности смерти свидѣтельствуется фальшивость принципа незаконности рожденія".

Спросимъ же г. Розанова; „есть ли незаконноумершіе"? — И отвѣтитъ онъ, несомнѣнно, что — есть.

Самоубійцы, не берегущіе свое здоровье, разстраивающіе его разными излишествами и страстями, вообще умершіе отъ насилія такъ называемою неестественною смертью: развѣ они всѣ умираютъ законно? И развѣ самая смерть вообще законна?

[1]) № 8838, столб. 7.

Въ книгѣ премудрости Соломона въ I гл. прямо говорится: *„Богъ смерти не сотворилъ, но все создалъ для бытія“*. Библія прямо связываетъ, какъ причину и слѣдствіе, смерть и грѣхъ и, слѣдовательно, считаетъ смерть случайностію, обусловливаемою грѣхомъ человѣка. И грѣхъ и смерть Библія прямо называетъ *зломъ*. И первое зарожденіе или начало зла указываетъ перенесеннымъ изъ надземной сферы въ міръ земной, и здѣсь указываетъ мѣсто его зарожденія въ области нравственной человѣческой свободы, въ свободномъ уклоненіи первыхъ людей отъ указаннаго имъ Творцемъ назначенія. Въ противоположность философіи, здѣсь, по вопросу о происхожденіи зла, Библія не вдается въ какія-либо отвлеченныя разсужденія: ученіе о происхожденіи зла она даетъ въ конкретныхъ чертахъ историческаго разсказа о грѣхопаденіи нашихъ прародителей (Быт. гл. II).

Библейскій разсказъ не есть сказка или вымыселъ, но подлинная исторія, на что указываетъ помѣщеніе ея въ книгѣ исторической (кн. Бытія) и то, что на этой исторической основѣ покоятся преданія, согласныя въ мелкихъ подробностяхъ, всѣхъ древнихъ народовъ о грѣхопаденіи родоначальника человѣческаго рода,—и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокоправдивое психологическое изображеніе той исторіи, которая должна повторяться въ жизни каждаго мыслящаго человѣка.

Возникшее сначала въ нашихъ прародителяхъ, зло должно было отсюда распространиться во всемъ человѣческомъ родѣ со всѣми слѣдствіями этого зла. А слѣдствія зла или грѣха: а) смерть ду-

ховная — удаленіе души человѣка отъ Бога, источника жизни, проявляющееся въ уменьшеніи духовныхъ силъ и жизни. При этомъ человѣкъ является не только несчастнымъ существомъ, но и *преступнымъ* предъ Богомъ и недостойнымъ любви Божіей, благодати Божественной. Это удаленіе Бога отъ человѣка немедленно отражается въ душѣ человѣка, въ его совѣсти, чувствомъ страха, виновности, нравственной тревоги. Отсюда—стремленіе заглушить голосъ совѣсти преданностію чувственнымъ удовольствіямъ или же измышленіемъ нелѣпыхъ религіозныхъ и нравственныхъ идей. Кромѣ этого, грѣхъ образовалъ въ людяхъ наклонность ко злу больше, чѣмъ добру, такъ какъ грѣхъ внесъ разстройство въ область воли,—человѣческой нравственной свободы. За нравственнымъ извращеніемъ человѣка естественно послѣдовало помраченіе ума, способности познавательной,—способности познаванія высшихъ, религіозныхъ предметовъ, а не логической способности мышленія, не способности познанія внѣшняго міра. Третье слѣдствіе грѣха простирается дальше души человѣка, до самаго его тѣла. Оно сказывается въ болѣзняхъ и смерти. Послѣдняя не есть нѣчто отдѣльное отъ болѣзни, но конецъ того постояннаго тлѣнія, разрушенія организма, которое продолжается во всю жизнь въ человѣкѣ. Самая жизнь человѣка въ физическомъ смыслѣ и есть постепенное умираніе, т. е. убыль жизненной энергіи въ тѣлѣ, или постоянная борьба со смертью. Такъ сбывается райская угроза: „въ который день вкусите, (въ тотъ) смертію умрете“. Съ христіанской точки зрѣнія *смерть*

есть наказаніе за грѣхъ, какъ явленіе ненормальное, противоестественное, иначе: „незаконное, несвятое“.

Въ 6-й гл. посл. къ Римл. Ап. Павелъ выражаетъ это словами: „смерть—оброкъ грѣха“ (возмездіе за грѣхъ),—та дань, которую грѣхъ беретъ съ человѣка. Ап. Іаковъ выражаетъ другой оттѣнокъ мысли: „грѣхъ, сдѣланный, рождаетъ смерть“ (Соб. посл. Іак. I, 15). Въ первомъ случаѣ выражается та мысль, что смерть есть внѣшнее наказаніе правды Божіей за грѣхъ, а во второмъ указывается естественная внутренняя связь между смертью и грѣхомъ.

Только натуралистическая философія и можетъ говорить, что смерть нормальна и слѣд. свята, а истинное библейское,-христіанское ученіе никогда этого не скажетъ; оно считаетъ смерть случайностію, обусловливаемою грѣхомъ человѣка.

Истинное христіанское ученіе указываетъ и четвертое слѣдствіе грѣха—такъ называемое физическое зло, завершеніемъ котораго служитъ смерть, и всѣ разнообразные виды котораго имѣютъ цѣлію духовное совершенствованіе людей. Смерть, напр., справедливо называется учительницею мудрости; она заставляетъ человѣка задумываться о самомъ себѣ, о своемъ назначеніи, и препятствуетъ человѣку погружаться въ чувственность и въ ней находить удовлетвореніе. Однако, она не называется святою.

Важнѣйшее, наконецъ, изъ слѣдствій прародительскаго грѣхопаденія—первородный грѣхъ.

Христіанское ученіе о первородномъ или на-

слѣдственномъ грѣхѣ, объясняющее происхожденіе зла въ мірѣ, заключаетъ въ себѣ двѣ половины: одна половина ученія раскрываетъ положеніе о всеобщности, вторая—о прирожденности грѣха. Мысль о всеобщности грѣха, о неизбѣжности его для всякаго человѣческаго существа, подверженнаго равно и заблужденіямъ, и грѣху, раздѣляется почти всѣми. Зло нравственное такъ глубоко сидитъ въ нашей душѣ, что оно примѣшивается и ко всему доброму въ насъ. Тщательное наблюденіе фактовъ именно въ этомъ направленіи заставляетъ заключать, что человѣкъ рождается нечистымъ, что зло прирожденно ему.

Въ положеніи о прирожденности или наслѣдственности грѣха въ свою очередь также двѣ половины: одна совершенно понятная, именно ученіе о переходѣ грѣховнаго состоянія или духовно-тѣлеснаго поврежденія,—въ смыслѣ разстройства духовной и тѣлесной природы человѣка, грѣховнаго состоянія нравственной нечистоты и тлѣнія отъ Адама на его потомство. Это стоитъ въ полномъ согласіи съ біологическимъ закономъ наслѣдственности, въ силу котораго родители передаютъ своимъ дѣтямъ не только свои физическія особенности, родовыя и индивидуальныя, но и нравственныя, при томъ часто случайныя, черты своего характера.

Другая половина ученія о наслѣдственности грѣха можетъ представляться тѣмъ, что называется „тайною“. Какъ себѣ представить возможнымъ съ точки зрѣнія нравственной, именно—справедливости, переходъ вмѣстѣ съ наслѣдственностью и вины, и

осужденія за грѣхъ на всѣхъ потомковъ Адама, не принимавшихъ лично участія въ его грѣховномъ актѣ,—преступленіи райской заповѣди; какъ возможно, съ точки зрѣнія понятія о нравственномъ вмѣненіи, сдѣлать людей отвѣтственными за грѣхъ, совершенный Адамомъ, а не ими лично,—тогда, когда ихъ еще не существовало? Нѣтъ ли здѣсь противорѣчія разуму и чувству справедливости?

Мы стоимъ здѣсь предъ непостижимою тайной, доступною только вѣрѣ, а не разуму. Мы обязаны принять эту тайну, какъ непреложную истину вѣры потому, что она въ такой же степени ясно и твердо устанавливается въ Библіи, какъ и параллельно раскрываемая съ нею тайна искупленія людей въ Іисусѣ Христѣ. Подробное и спеціальное раскрытіе ученія о первородномъ грѣхѣ въ связи съ ученіемъ объ искупленіи чрезъ Іисуса Христа даетъ ап. Павелъ въ V гл. посланія къ Римлянамъ, 12—21 ст., гдѣ онъ говоритъ о переходѣ грѣха Адамова со всѣми его послѣдствіями, именно грѣховною *порчею природы*, *осужденіемъ и смертію*, на все потомство или человѣчество, при чемъ разсматриваетъ это въ связи съ обратнымъ явленіемъ перехода оправданія, жизни и праведности, отъ Новаго Адама, Іисуса Христа, на все Его духовное потомство и на вѣрующихъ въ Него.

Кто, по этому, вѣритъ въ оправданіе рода человѣческаго чрезъ Новаго Адама его, Іисуса Христа, тотъ долженъ признать тѣмъ самымъ возможнымъ и дѣйствительнымъ осужденіе всего рода человѣческаго въ ветхомъ его Адамѣ...

Изъ этого ученія, всесторонне разсмотрѣннаго

и правильно понятаго, является невольный выводъ, что и новорожденные младенцы, наравнѣ со всѣми, безъ всякаго отличія отъ взрослыхъ, осуждены на гибель грѣхомъ Адама и виновны предъ судомъ Божественной правды. Младенцы, какъ люди, со всѣми раздѣляютъ общую печальную участь. Можно ли поэтому утверждать, какъ дѣлаетъ это г. Розановъ, что *рожденіе свято?*

Ключъ къ правильному пониманію рожденія и смерти, что́ именно такое они по существу своему, дается въ правильномъ ученіи объ искупленіи.

Въ Адамѣ всѣ согрѣшили. Вѣрою въ новаго Адама получаютъ всѣ оправданіе, возстановляютъ свой союзъ съ Богомъ. Но для этого потребно не одно только удовлетвореніе за насъ правдѣ въ Іисусѣ Христѣ, но и личное участіе каждаго изъ насъ въ этомъ искупительномъ дѣлѣ Христовомъ, въ силу чего усвояется намъ послѣднее и дѣлается какъ бы нашимъ собственнымъ дѣломъ. Плоды искупительнаго дѣла Христова дѣлаются нашими по силѣ нашего участія въ искупленіи, а потому искупленіе получаетъ свойственный ему характеръ нравственнаго духовнаго процесса и перестаетъ быть простымъ актомъ внѣшняго юридическаго оправданія или прощенія: оно становится духовнымъ обновленіемъ и возрожденіемъ къ новой жизни, а это достигается тѣснымъ единеніемъ вѣрующаго со Христомъ, сліяніемъ его съ Личностію и жизнію Христа, какъ лоза соединена со своими вѣтвями (Іоан. 15, 5—57).

Средствомъ пріобщаться Христу и сливаться личностью своею съ Нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и пріі-

общаться и всему, что дано и намъ въ Немъ и что сдѣлано Имъ для нашего спасенія, служатъ Св. Таинства. И только чрезъ посредство таинства св. Крещенія, — тѣлесное—по существу грѣховное,— *не святое*, рожденіе можетъ стать святымъ.

Къ таинствамъ принадлежитъ и *бракъ*, который такъ превратно понимается г. Розановымъ.

VIII.

Превратность пониманія г. Розановымъ таинства брака.—Въ чемъ полагаетъ г. Розановъ сущность брака?—Отсюда стремленіе къ упрощеннымъ формамъ заключенія брака, чтобы доказать этимъ несуществованіе «незаконныхъ» рожденій.—Не свято ли рожденіе съ точки зрѣнія самого родившагося?—Рожденіе отъ больныхъ родителей—незаконное—Церковь чрезъ таинства дѣлаетъ законнымъ.—Забота Церкви о родителяхъ для зачатія и рожденія дѣтей при ослабленномъ грѣхѣ.—Непорочнаго зачатія нѣтъ.—Отзывъ св. Григорія Богослова о зачатіи и рожденіи; о святости брака; о внѣ-брачныхъ отношеніяхъ.

Послѣдній, выходя изъ тѣхъ же данныхъ, на основаніи которыхъ православная Церковь учитъ о бракѣ какъ о Таинствѣ, коего начало—благословеніе брака первыхъ человѣковъ, а полнота въ христіанствѣ, — учитъ, что бракъ есть не что иное по существу своему, какъ именно „прилѣпленіе“ половъ, что посему нѣтъ ни „адюльтера“, ни „наложничества“, нѣтъ и „незаконныхъ“ рожденій, что нѣтъ и паденій. Такой взглядъ, по мнѣнію г. Розанова, есть путь исцѣленія человѣчества отъ разврата. *Нѣтъ*, говоритъ г. Розановъ, *незаконныхъ* [1]) *касаній женщины, а есть только супружество!* Нѣтъ случайнаго, есть только вѣчное! Нѣтъ „паденій“, есть только правда! *Нѣтъ соблазней, а есть только начало супружества.* Это, говоритъ онъ далѣе,—безотчетно, но это носится въ воздухѣ, и на

[1]) № 8838, столб. 6.

это и указалъ, какъ на новое и можетъ быть специальное русское чувство брака" [1]).

Увѣренъ вполнѣ, что безъ всякой подражательности евреямъ (всѣ подражанія въ исторіи—безсильны) русская совѣсть вырабатываетъ свой типъ семьи, ужъ во всякомъ случаѣ чистѣйшій и возвышеннѣйшій, чѣмъ печальнѣйшая въ смыслѣ чистоты византійская семья и чѣмъ наша до сихъ поръ семья русская. Думать о лучшей постановкѣ семьи и притомъ съ фундамента—есть причины. Русскій народъ исторически свѣжій и относительно-чистый. Совѣсть въ немъ не умерла. А совѣстливымъ взглядомъ на вещи—можно на многое отважиться, даже въ такой деликатной и чуткой области. Первый лозунгъ на этомъ пути, мнѣ думается: „Родители—не отлучайтесь отъ дѣтей", „законъ—не раздѣляй родителей и дѣтей" [2]).

Такимъ образомъ, по воззрѣніямъ г. Розанова, плотскія движенія, положенныя въ грѣховной природѣ человѣка, проявляющіяся именно въ незаконныхъ касаніяхъ къ женщинѣ, въ паденіяхъ, въ соблазненіяхъ,—суть „вѣчное", т. е. составляютъ сущность природы человѣка.

Ради этой сущности г. Розановъ желаетъ установить болѣе упрощенныя формы заключенія брака (чѣмъ сложныя церковныя) для моря случайностей, прибавляетъ онъ, напр. вплоть до одного благословенія родителей, или до простой мѣны кольцами, или, наконецъ, даже до самой простой формы, которая заключается въ простомъ фактѣ супружества, т. е. какъ онъ говоритъ много разъ, въ „прилѣпленіи половъ", въ „полосочетаніи".

И ужели семья русская до сихъ поръ была печальнѣйшею? И печальнѣйшею потому, что она хотѣла держаться „чистоты византійской семьи?" Далѣе, ниже, мы покажемъ, былъ ли у насъ, въ Россіи,

---

[1]) № 8838, столб. 6.

[2]) № 8876, стр. 4, столб. 2.

типъ семьи *чистѣйшій и возвышеннѣйшій*? И если *былъ*, вопреки утвержденію г. Розанова, то укажемъ и то, *отъ чего именно зависѣлъ этотъ типъ?* И надобно ли русской совѣсти стремиться вырабатывать свой типъ семьи?

А теперь, читая горячія разсужденія г. Розанова, невольно приходишь къ мысли, что, по его мнѣнію, стремленіе человѣка къ истинѣ, къ добру, къ небесному, къ божественному,—это все не существенное, а сущность человѣка есть стремленіе къ женщинѣ! Вотъ до какой крайности можетъ довести неумѣренное усиліе доказать желаемую мысль во что бы то ни стало,—именно, что „незаконныхъ“ рожденій нѣтъ.

Стремясь доказать, что незаконныхъ рожденій нѣтъ, что всякое рожденіе свято, что посему дѣло не въ формѣ брака, не въ зачатіи, г. Розановъ, повидимому, хотѣлъ сказать, что, собственно съ *точки зрѣнія самого родившагося ребенка, рожденіе*—свято, законно, такъ какъ ему—ребенку—дарована чрезъ рожденіе—жизнь.

А если рожденіе произошло отъ болѣзненнаго отца и зараженной матери (сумасшедшіе, сифилитики, прокаженные), то назоветъ ли тогда г. Розановъ рожденіе святымъ и законнымъ? Не есть ли это насиліе надъ рожденнымъ, когда родители сами больные, произвели и его больнымъ? И не въ правѣ ли родившійся самъ сказать, что онъ рожденъ незаконно? Не будетъ ли онъ проклинать свое рожденіе?

Да! „Незаконныя рожденія“ есть, и по самой сущности, а не по гражданскому только опредѣленію!

И, вотъ, къ такому-то рожденію, всегда грѣховному, слѣд. *незаконному*, ибо грѣхъ есть нарушеніе закона, и приходитъ на помощь св. Церковь съ освящающими молитвами и таинствами, и изъ незаконнаго дѣлаетъ законнымъ. „Аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе". — Таинство крещенія примиряетъ такого несчастнаго съ его несчастнымъ положеніемъ: если не тѣло, зараженное болѣзнію, то духъ спасется, скорбя тѣломъ, онъ при благодатной помощи таинствъ будетъ очищаться духомъ для царствія Божія. Но и тѣло, облагодатствованное св. тайнами, становится храмомъ св. Духа; слѣд. и оно врачуется, спасается!

Сверхъ сего, св. Церковь заботится и о томъ, чтобы самихъ родителей содѣлать такими, чтобы рождаемое отъ нихъ было „законнымъ", „святымъ": она освящаетъ тѣхъ, кто хотятъ сдѣлаться родителями, св. таинствомъ брака, съ тою именно цѣлію, чтобы въ нихъ, при самомъ зачатіи дѣтей, порокъ, грѣхъ былъ ослабленъ благодатію: „бракъ — честенъ, ложе—нескверно".

Церковь Православная, послѣдующая св. Писанію не знаетъ никакого „непорочнаго" зачатія: никто изъ рожденныхъ женами, кромѣ Богочеловѣка Іисуса Христа, не зачинался безъ „беззаконія" (Пс. 50, 7). „Плотское рожденіе, говоритъ св. Григорій Богословъ, есть дѣло ночи, рабское и страстное" (Соч., ч. 3, стр. 224).

„Того не знаетъ отецъ, родитъ ли онъ любезнаго сына или дочь; но только возстаніе плоти „угашаетъ на супружескомъ ложѣ" (Соч., ч. 5,

стр. 59). „Плотское сочетаніе изобрѣтено веществомъ, — этою непрестанно текучею природою. Впрочемъ, Богъ и сему положилъ мѣру, узаконивъ бракъ“ (Соч. ч. 5, стр. 91).

„Плотское супружество удерживается въ должныхъ предѣлахъ этимъ Закономъ Божіимъ о бракѣ“ (Соч., ч. 5, стр. 158).

А относительно безбрачныхъ св. Григорій Богословъ говоритъ: „Забавно увѣрять, что плоти вступаютъ въ союзъ для произведенія на свѣтъ добрыхъ. Добрыми или худыми—образуетъ время. А кто сѣетъ, тотъ не иное что дѣлаетъ, какъ уступаетъ только наглымъ требованіямъ плоти. Но смѣшно думать о себѣ въ страсти, что содѣйствуешь Божіей волѣ“ (ч. 5, стр. 159).

IX.

Противоположность и неправильность воззрѣнія г. Розанова на путь исцѣленія человѣчества отъ разврата.—Необходимость цѣломудрія въ бракѣ.—Примѣры безсловесныхъ животныхъ, по указанію Оригена.—Слова св. Григорія Богослова.—Примѣры послѣдованія совѣтамъ учителей Церкви и заповѣдямъ св. Церкви о супружескомъ воздержаніи во время чревоношенія.—Требованія Церкви о приготовленіи къ браку.—Плоды воздержанія супруговъ въ бракѣ.—Въ чемъ тайна *святаго* рожденія и *святой* смерти. — Новы ли открытія новѣйшей литературы?—Новыя ли правила открываетъ г. Розановъ?—Моисеево правило; но ему равно апостольское.—Не было плача; но побіеніе камнями.—Надобны ли упрощенныя формы брака?—Несправедливость воззрѣнія на 7-ю заповѣдь.—Воздѣйствіе священниковъ на исповѣди.—Каковая семья, по мнѣнію Розанова, евангельская, библейская?

Въ какомъ же противорѣчіи съ этими словами стоятъ слова г. Розанова!

„Исцѣлить человѣчество отъ разврата — великая проблема. И ея исполненіе—въ объявленіи, что нѣтъ незаконныхъ касаній; что какъ касаніе произошло, съ кѣмъ бы то ни было, какъ бы то ни было, оно, по золотой тяжеловѣсности своего металла, есть уже полнота обязанностей, правъ, заботъ, любви, воспитанія

дѣтей, полнаго супружества. Всякій образъ человѣка есть образъ человѣка, и всякій образъ супружества есть образъ супружества: создайте это понятіе, утвердите, моментально и исчезнетъ самая психологія легкихъ касаній" (№ 8838, столб. 5).

Правда ли это? Напротивъ, не самый ли это легкій путь къ тому, чтобы моментально *развратъ разлился по всему человѣчеству?* чтобы всякій удовлетворялъ непрестанно *„наглымъ требованіямъ плоти?"*.

Вѣдь, тогда, если „всякій образъ супружества есть образъ супружества" и слѣдовательно „законенъ":—и у несовершеннолѣтнихъ другъ съ другомъ, у взрослыхъ съ несовершеннолѣтними, у состоящихъ въ кровномъ родствѣ, у Эдипа, у Коринѳскаго кровосмѣсника, у сумасшедшихъ, безумныхъ (См. зак. гражд. ст. 5, т. X, ч. 1),—у всѣхъ—законныя (?!) касанія?

Вотъ, до чего договаривается г. Розановъ, не замѣчая самъ.

И не къ *этимъ* ли *требованіямъ*" сводитъ дѣло самъ г. Розановъ, — не замѣчая того, впрочемъ,— когда говоритъ, что существующіе у насъ законы о бракѣ являются причиною глубокаго соціальнаго разстройства брака (т. е. брака въ томъ смыслѣ, какъ его хочетъ понимать г. Розановъ):

„Незаконныя" дѣти вообще являются отъ трехъ причинъ: 1) глубокаго соціальнаго разстройства брака, въ силу чего огромный контингентъ дѣвушекъ, часто прекрасныхъ, скромныхъ и цѣломудренныхъ, остается внѣ брака. *Наступаютъ годы, проходятъ минуты, которые я не могу не назвать мистически таинственными, такъ онѣ мало раціонально объяснимы* (вѣдь тутъ-то и есть „наглыя требованія плоти и страсти", какъ объясняетъ св. Григорій Богословъ?), — *и такія дѣвушки рождаютъ*" (курсивъ нашъ) (№ 8873, стр. 4).

Св. таинство брака и есть узда страсти. „Да погибнетъ такой супружескій союзъ, котораго не

скрѣпилъ брачный законъ!“ восклицаетъ св. Григорій Богословъ (Соч. 5, стр. 82).

„И послѣдній (по словамъ Св. Гр. Бог.) (т. е. супружескій, скрѣпленный бракомъ, союзъ) тогда только можно назвать *честнымъ* (Евр. 13, 4) когда онъ есть собственно бракъ и супружескій союзъ, и желаніе оставить послѣ себя дѣтей: тогда онъ хорошъ, ибо умножаетъ число благоугождающихъ Богу. Но когда онъ разжигаетъ грубую плоть, обкладаетъ ее терніемъ и дѣлается какъ бы путемъ къ пороку, тогда я скажу: *лучше есть не жениться*“ [1]).

Такой чистоты требуютъ святые отцы Церкви отъ лицъ, принявшихъ таинство брака!

И въ самомъ супружествѣ, слѣдовательно, могутъ быть „незаконныя“ касанія: ибо и св. Григорій Богословъ (Соч. ч. 5, стр. 85 и 86) и еще ранѣе его Оригенъ, а еще ранѣе св. ап. Павелъ, обращаютъ вниманіе супруговъ на особенную заботливость о цѣломудріи. При этомъ и Оригенъ, и св. Григорій Богословъ указываютъ людямъ на примѣры безсловесныхъ. Въ 5-й гомиліи на книгу Бытія—„о Лотѣ и его дочеряхъ“—Оригенъ говоритъ: „Ужасаюсь высказать, что́ я чувствую; я боюсь, что нецѣломудріе дочерей Лота было цѣломудреннѣе цѣломудрія многихъ. Пусть жены испытаютъ себя и спросятъ, для того ли они вышли замужъ, чтобы рождать дѣтей, и воздерживаются ли онѣ послѣ зачатія. Тѣ обвиняются въ нецѣломудріи; но онѣ, послѣ того, какъ зачали, не ищутъ

---

[1]) Соч., ч. 3, стр. 183.

снова объятій мужа. Между тѣмъ, нѣкоторыя женщины (мы не на всѣхъ указываемъ, а на нѣкоторыхъ)—я сравню ихъ съ безсловеснымп животными—подобно звѣрямъ, безъ различія и не переставая, ищутъ лишь удовлетворенія своей похоти. Но даже звѣри, лишь только они зачали, не совокупляются“ (5-я гомилія).

А св. Григорій Богословъ также говоритъ: „Въ самомъ безуміи страсти животныя связаны благовременностію. А если и у неразумныхъ есть нѣкоторая заботливость о цѣломудріи; то ужели ты, Божіе созданіе, не свяжешь всѣхъ законовъ плоти, если захочешь? Человѣкъ такъ же уступчивъ разуму, какъ и мѣдь огню. Если разумъ не царь плоти, тогда какъ образъ Божій обожилъ меня, то въ чемъ преимущество наше, если и мы уступаемъ такимъ же движеніямъ? Хотя природа не удержима въ большемъ числѣ людей, однако же знаемъ и то, что заповѣдь часто превозмогаетъ и общую природу“ (Соч. Гр. Бог., ч. 5, стр. 86).

Такимъ образомъ, по словамъ св. Отцовъ и учителей Церкви, даже и въ супружескомъ союзѣ, скрѣпленномъ брачнымъ закономъ, могутъ быть незаконныя касанія къ своей женѣ. И учители Церкви совѣтуютъ избѣгать ихъ.

И только очень чистыя, скромныя и цѣломудренныя натуры, освященныя именно св. таинствомъ брака, умѣютъ исполнять этотъ совѣтъ Св. Отцовъ и учителей Церкви. Такъ, отъ старца-протоіерея, хорошознавшаго „Николаевскія“ времена, намъ пришлось слышать разсказъ объ одномъ солдатѣ, который, несмотря на пожилыя уже лѣта свои, своимъ

бравымъ видомъ поражалъ всѣхъ. Въ томъ же полку было пять сыновей его, — такихъ же бравыхъ. Это обратило на себя вниманіе Государя Николая Павловича, который пришелъ въ изумленіе, услышавши, что у этого солдата есть и еще нѣсколько (до двадцати) человѣкъдѣтей, которыя всѣ живы и отличаются такимъ же крѣпкимъ здоровьемъ; равно жива и крѣпка здоровьемъ и его жена. Недоумѣніе Государя относительно такой большой и крѣпкой физически семьи разрѣшилъ самъ бравый старый служака, сказавши своеобразно, что „онъ относился къ женѣ такъ, какъ онъ наблюдалъ въ обычаяхъ у животныхъ“,—отъ чего и дѣти всѣ здоровы и живы, хотя ихъ и много, и жена-старуха здорова и жива.

Когда Государь потребовалъ разъясненія этого, то солдатъ сказалъ, что онъ касался своей жены только *столько именно разъ, сколько у него дѣтей*; а послѣ зачатія онъ уже не „зналъ“ ея болѣе.

Этотъ солдатъ, конечно, исполнялъ заповѣдь Св. Церкви, которая требуетъ отъ всякой, находящейся въ бракѣ женщины, особеннаго воздержанія именно во время чревоношенія.

Какъ высоко Св. Церковь смотритъ на бракъ, видно изъ того, что древними правилами церковными вмѣнялось даже въ обязанность всѣмъ желающимъ сочетаться бракомъ приготовлять себя къ принятію этого таинства постомъ, исповѣдію и причащеніемъ Св. Таинъ (Кормч., часть II, гл. 50). И отъ брачущихся, имѣющихъ быть родителями и воспитателями будущихъ дѣтей своихъ въ духѣ христіанской вѣры Православной и христіанскаго

благочестія, требовалось и требуется знаніе того, въ чемъ родители должны наставлять своихъ дѣтей (Ibid). И нынѣ эти правила не отмѣнены.

Плодомъ таковыхъ-то браковъ и такового супружескаго воздержанія и являлись дѣти, рожденіе которыхъ *дѣйствительно можно назвать святымъ*. (Напр., препод. Сергій). И вся земная жизнь чадъ отъ подобныхъ воздержныхъ супружествъ (давшихъ еще во время зачатія и чревоношенія — духовное, святое направленіе плоду чрева своего), проходила такъ духовно, свято, что и *смерть ихъ была святою*, тихою, безболѣзненною (кромѣ святыхъ, прославленныхъ и нетлѣніемъ тѣла своего, укажемъ напр. на кончину Серафима Саровскаго, митрополита Филарета Московскаго, Θеофана затворника и др.).

И г-нъ Евгеній Марковъ, въ статьѣ „Жестокая чувствительность“ (Нов. Вр. № 8865, стр. 3, стол. 5), замѣчаетъ, „что при неправильностяхъ (а мы дополнимъ: при *грѣховности*) самаго зарожденія человѣка, трудно встрѣтить вполнѣ правильные, строго нормальные, органическіе процессы въ человѣческой жизни“.

Вотъ гдѣ тайна *святаго* рожденія и *святой* смерти, а не въ „морѣ случайностей“, не „въ прилѣплѣніи половъ“, какъ утверждаетъ г. Розановъ.

Да! Забываются нынѣшними, называющими себя „просвѣщенными, людьми“ истины, издревле содержимыя Св. Церковію!

То, что высказано Св. Отцами и учителями Церкви, то, что дано Церковію, какъ заповѣдь, въ самыя первыя времена христіанства,—то, что фак-

тически осуществляли и осуществляютъ христіане, освящаемые таинствомъ брака,—то въ наши дни высказывается въ литературѣ, какъ „нѣчто новое“.— Такъ, въ книгѣ Алисы Токгэмъ „Токологія, или ученіе о рожденіи“, авторъ, докторъ, высказываетъ тѣ же самыя теоретическія положенія, какія въ христіанской Православной Церкви требуется проводить и проводятся и въ жизни.

Хотя, замѣтимъ здѣсь, нашелся и въ нашей печати противникъ,—именно въ смыслѣ несогласія съ требованіемъ воздержанія,—въ лицѣ доктора Гориневскаго, помѣстившаго рецензію на этотъ трудъ, кажется въ Русской Мысли. Были и философы и древніе мыслители, которые поставляли отличительнымъ признакомъ человѣка отъ животныхъ именно то, что половой его инстинктъ можетъ всегда проявляться: отсюда недовольство одной женой, а требованіе, чтобы были: жена, метресса и наложницы, чтобы половой инстинктъ не сдерживался временемъ чревоношенія и кормленія грудью.

Не поэтому ли въ предисловіи къ русскому переводу книги Токгэмъ, написанномъ гр. Л. Н. Толстымъ, послѣдній, рекомендуя это сочиненіе русской публикѣ, очевидно по соотвѣтствію воззрѣній автора съ его собственными этическими взглядами, усматриваетъ въ трудѣ г-жи Токгэмъ „нѣчто новое“.

Между тѣмъ, тѣ же самыя мысли высказывалъ съ силою и образностію знаменитый Оригенъ, который, указывая именно на примѣръ *животныхъ*, изрекалъ, отъ этого примѣра исходя, сильное обличеніе *человѣку*.

Не доказывается ли этимъ еще разъ справедли-

вость извѣстнаго изрѣченія: „ничто не ново подъ луною“, а ново то, что хорошее—забыто.

Такъ ошибается и г. Розановъ, указывая (№ 8858, столб. 2), что онъ именно нашелъ въ 22-й главѣ книги „Исходъ“ нравственный исходъ для „незаконно-родившей дѣвушки“ (вѣрнѣе, какъ это и сказано у Моисея: „обольщенной“), „не заканчивающійся ни ея кровію, ни кровію ея ребенка“.

При чемъ онъ съ пафосомъ восклицаетъ: „Не правда-ли? И я, христіанинъ, читая эти строки, успокаиваюсь: „вотъ какъ нужно“, „вотъ гдѣ правда!“ И этой правды, или подобной и приблизительной, я не вижу вокругъ, въ нашемъ христіанскомъ и, казалось бы, лучшемъ мірѣ“.

Увы! Несмотря на весь пафосъ, г. Розановъ ошибается: въ христіанскомъ мірѣ, съ самыхъ апостольскихъ временъ, высказано правило (Ап. пр. 67), которымъ „виновные въ насиліи дѣвъ, еще не обрученныхъ, обязывались къ браку съ ними, съ цѣлію загладить свое преступленіе“.

Ошибается г. Розановъ и въ дальнѣйшемъ своемъ выводѣ изъ открытой имъ будто бы „новой“ (но не усмотрѣнной имъ, хотя и существующей въ христіанствѣ) правды.

„Очевидно, говоритъ онъ, вся сумма дѣвушекъ, перестающихъ быть таковыми, переходила въ полный итогъ брака. Лучше ли это нашего? Пусть судитъ каждый. Я же скажу, что не было плача дѣвушекъ тамъ!“

А побіеніе камнями?... Вѣдь въ законѣ Моисеевомъ положены были страшныя казни за „любодѣяніе“ и „прелюбодѣяніе“. Этимъ казнямъ наравнѣ подвергались дѣвицы и замужнія женщины.

А г. А-тъ, въ Нов. Вр. № 8874, 9 ноября, въ открытомъ письмѣ г. Розанову, говоритъ, что „*евреи*

страшно жестоки и до сихъ поръ къ прелюбодѣйному грѣху евреекъ".

Отсюда-то, несомнѣнно, и въ нашемъ древнерусскомъ законодательствѣ тѣ строгіе законы, которые уже приведены нами выше.

И г. Розановъ, требуя установленія, на основаніи будтобы закона Моисеева (о неправильности этого взгляда мы замѣтили выше), кромѣ сложныхъ, (т. е. совершенія таинства брака) „и болѣе упрощенныхъ формъ заключенія брака, напр. вплоть до одного благословенія родителей, или до простой мѣны кольцами, такъ какъ возможно ли вездѣ сыскать *полный приборъ обстоятельствъ для заключенія брака?*" (такой отзывъ, очевидно, о таинствѣ брака, совершаемомъ въ Церкви, невозможенъ изъ устъ христіанина, который тутъ же, на ряду, говоритъ: „*въ нашей Св. Церкви*"), напрасно прибавляетъ:

„И тысячи дѣвушекъ спасутся! И мы отдѣлимъ настоящую привязанность отъ случая фривольности, легкомыслія".

Напротивъ! тогда-то легкомыслію и дана будетъ полная возможность; тогда-то тысячи дѣвушекъ самымъ легкимъ образомъ погибнутъ.

Настоящая же привязанность, напротивъ, будетъ, *непремѣнно* будетъ искать совершенія *таинства* брака, т. е. никогда не удовольствуется самою упрощенною формою брака.

Несправедливы и заключительныя слова г. Розанова.

„Такимъ образомъ подъ заповѣдь „не прелюбодѣйствуй", установленную Богомъ, подходитъ вовсе не рожденіе (незаконнорожденная дѣвушка), а напр., наша страшная проституція, о коей скромно молчатъ всѣ батюшки, набрасываясь лишь на случаи нарушенія разныхъ византійскихъ, нисколько не евангельскихъ и не библейскихъ (въ сущности — римскихъ), понятій о семьѣ". (№ 8858, столб. 3).

Что касается указаннаго „скромнаго умолчанія

батюшекъ", то у послѣднихъ есть нравственная и вмѣстѣ благодатная сила воздѣйствія на это зло, именно въ таинствѣ покаянія. Конечно, о томъ, какъ батюшки борются съ этимъ зломъ во время исповѣди, знаетъ только одинъ Богъ, да тѣ, кои возстали изъ этого страшнаго паденія именно при воздѣйствіи пастыря на исповѣди и при благодатной помощи свыше, подаваемой въ этомъ таинствѣ истинно вѣрующему. А спросимъ г. Розанова, изъ скольких домовъ „такого рода" обитательницы ихъ отпускаются содержательницами на исповѣдь?

Что же противопоставляетъ г. Розановъ византійскимъ, по его выраженію, понятіямъ о семьѣ, какъ семью именно будто бы евангельскую, библейскую?

Въ № 8873-мъ, отъ 8-го ноября, мы читаемъ написанныя имъ строки:

„Незаконныя дѣти являются 2) отъ отсутствія развода, или и при разводѣ отъ запрещенія вступать въ бракъ „прелюбодѣю" (читай: „великодушнѣйшей сторонѣ, принявшей на себя вину"). Разводъ стоитъ около 6—7 тысячъ. Семья фактически лѣтъ 8—10 не существуетъ и не имѣетъ никакихъ надеждъ воскреснуть. Вся психологія (?) умершаго супружества не существуетъ, вся его логика (?) и реальная религія (?)—тоже. Мужъ, т. е. „прелюбодѣй" живетъ холостякомъ, годы, пять лѣтъ, десять лѣтъ, и конечно—прелюбодѣйствуетъ на этотъ разъ уже въ самомъ дѣлѣ, потому что принуждается (?) къ этому законнымъ своимъ положеніемъ, насильственно (?) вдовымъ. Наконецъ, когда ему достаточно невыносима станетъ эта отвратительная жизнь, онъ вступаетъ въ „блудное сожитіе", которое, если посмотрѣть снаружи, кажется таковымъ, а войдя въ домъ, опять вы видите настоящую (?) и полную семью, въ которую человѣкъ вырвался изъ принудительно навязаннаго (?) ему разврата, въ которой онъ отдыхаетъ и утѣшается послѣ десяти лѣтъ жизни и муки: но, увы! всѣ дѣти отъ этой полной (?) и чистой семьи (?) суть тоже незаконнорожденныя". „Общее правило: ни государство, ни религія не въ правѣ становиться между дѣтьми и родителями. Это — нечестіе,

это—nefas." Дѣти предохранили бы бракъ отъ разложенія; а теперь (т. е. когда „незаконнорожденныхъ" дѣтей не признаютъ „законными"). мы наказываемся отъ Бога тѣмъ, что бракъ разсыпается, тастъ, сталъ холоденъ, корыстенъ, нравственно никому не нуженъ", „и (№ 8858, столб. 2) нѣтъ „адюльтера",—не признаемъ, отрицаемъ: есть только нравственная и отвѣтственная связь супружества". И я радуюсь, что въ этомъ своемъ утвержденіи могу опереться на столь великій авторитетъ Боговидца".

Ужели—таковы библейскія и евангельскія понятія о семьѣ, о бракѣ, о дѣтяхъ?

X.

Истинно-христіанское ученіе о бракѣ: по отношенію къ провидѣнію Божію, семейству, государству.—Вѣдствія отъ нарушенія законовъ брака.—Нужда не можетъ извинить отступленіе отъ брачнаго закона.—Отъ чего зависитъ твердость брака?—Заботы объ этомъ церковнаго и гражданскаго правительства.—Евангельскія наименованія.—Заключеніе.

Между тѣмъ истинно-христіанское ученіе о бракѣ совершенно иное. Бракъ—*не договоръ, не обязательство и не законное рабство*, — какъ это представляетъ г. Розановъ: онъ есть воспроизведеніе образа, установленнаго Божественнымъ Закономъ, онъ есть именно св. таинство, совершаемое Церковію чрезъ вѣнчаніе. Въ докладѣ своемъ: „*Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожительствъ?*", на страницахъ 5, 6 и 7 мы, по возможности, старались, руководствуясь указаніями нашихъ отечественныхъ богослововъ, проповѣдниковъ и писателей,—выяснить сущность „тайны" брака и показать, какое значеніе бракъ имѣлъ всегда въ глазахъ Церкви, признающей его за *таинство* и за *тайну*.

Тамъ же, и на слѣдующихъ страницахъ—8, 9, 10 и 11, указанъ нами взглядъ церковный (а онъ—

и истинно христіанскій, библейскій, евангельскій) на *разводъ*, на необходимость *цѣломудрія* супруговъ и *не* супруговъ, на причины, повреждающія законъ и тайну брака, — между прочимъ и *на необузданную страсть* къ плотскимъ наслажденіямъ[1]), каковой страсти г. Розановъ,—своими статьями, которыя именно и побудили насъ написать *сей отпоръ*, — даетъ нынѣ такую широкую дорогу, всѣ малѣйшія затрудненія на которой, препятствія и стѣсненія, ему желательно *устранить*, даже *постановленіемъ* (какъ сильно желаетъ этого г. Розановъ!) *гражданской и церковной власти*. А между тѣмъ *объ эти власти* всегда утверждали, утверждаютъ и будутъ утверждать, что супружество имѣетъ важное значеніе по отношенію къ Провидѣнію Божію, къ семейству и къ Государству, что бракъ, какъ супружество, освященное св. таинствомъ церковнымъ, на вступившихъ въ такой, Богомъ благословенный, союзъ налагаетъ полноту обязанностей, пренебрегать которыми уже никто не имѣетъ права.

Богъ, сотворивъ первыхъ человѣковъ, имъ самимъ и ихъ потомкамъ ввѣрилъ дальнѣйшее произведеніе людей на свѣтъ, ввѣрилъ, какъ бы продолженіе Своего творческаго дѣйствія. Какой великій даръ! И можно ли дерзновенно принимать его безъ особеннаго благословенія Божія? Можно-ли вступать безъ благословенія отъ Бога въ этотъ союзъ, который есть великая тайна, по подобію таинственнаго единенія Христа съ Церковію (Еф. V, 29 и 30).

[1]) Указаны нами также экономическія и соціальныя причины, повреждающія законъ брака. (Докл., стр. 10).

По свидѣтельству Священнаго Писанія, бракъ установленъ отъ Бога во взаимную также помощь, ободреніе, утѣшеніе и благополучіе супруговъ (Быт. II, 18).

Бракъ служитъ также въ предохраненіе немощнаго человѣка отъ соблазновъ (поэтому, именно св. Церковь и Государство дозволяютъ вдовымъ или разведеннымъ не по собственной винѣ—второй и даже третій бракъ), пороковъ и болѣзней (1 Кор. 7, 9, 2 и 5) и залогомъ благословенія Божія для общества семейнаго, родственнаго, народнаго и гражданскаго (Быт. 1, 28). Можно ли думать, что Провидѣніе Божіе оставитъ безъ вниманія злоупотребленіе симъ даромъ, и что злоупотребителей не постигнетъ правосудіе Божіе? А развѣ не злоупотребляютъ люди этимъ даромъ, когда они приступаютъ къ „полосочетанію“ безъ всякаго освященія и благословенія? Дѣйствіе правосудія Божія въ этомъ отношеніи не всегда явно, не всегда скоро, но для внимательно наблюдающихъ пути Божіи, несомнѣнно.

Изъ благословеннаго супружества образуется благословенное семейство и родство; изъ семействъ и родства благословенный народъ, отечество и государство. Если корень общества святъ, то и вѣтви его святы и благословенны. Слѣдовательно, если корень нечистъ и гнилъ, и вѣтви его не чисты и не прочны.

Неблагословенный бракъ лишаетъ благословенія Божія семейство. Дѣти узнаютъ, что ихъ родители не уважали закона, и легко приходятъ къ мысли, что и имъ не нужно уважать закона болѣе, нежели ихъ родителямъ. Упадокъ нравственности, начатый родителями, продолжается въ дѣтяхъ и далѣе.

Государство состоитъ изъ семействъ. Разстроенныя составныя части разстроятъ и цѣлое.

Посему, естественно ожидать отъ нарушенія законовъ брака и цѣломудрія тѣхъ общественныхъ послѣдствій, какія изображаетъ пророкъ: „*Прелюбодѣйство крайне распространилось по землѣ, и кровопролитіе слѣдуетъ за кровопролитіемъ: за то восплачетъ земля сія, изнемогутъ всѣ живущіе на ней*“ (Осіи, 4, 2 и 3.

Этого ли желаетъ г. Розановъ для нашего дорогого отечества?.

Не можетъ ли нужда извинить отступленіе отъ брачнаго закона, напримѣръ, когда отъ несчастнаго супружества ищутъ другого супружества, которое, говоритъ г. Розановъ, можетъ имѣть лучшую полноту условій рожденія дѣтей, въ смыслѣ вѣрности, цѣломудрія, любви, согласной жизни супруговъ (рождающихъ)? Меня поражаютъ другіе случаи: когда разныя каноническія препятствія мѣшаютъ вступленію въ бракъ и когда мы имѣемъ налицо прекрасную и полную, иногда стародавнюю (?) семью и все-таки эта семья (?) религіозно и юридически разрывается, уничтожается. Вотъ гдѣ nefas, вотъ гдѣ—нечестіе, уже со стороны закона [1]).

Никакъ! Что можетъ быть несчастнѣе мужа, у котораго жена безумна до такой степени, что ее нужно держать на цѣпи? Но правило церковное говоритъ, что и въ семъ случаѣ онъ *не долженъ оставлять ее и искать другой*. Кого несчастное супружество постигло по неисповѣдимой судьбѣ Божіей, тотъ долженъ терпѣть оное, какъ испытаніе отъ Бога, а кого вслѣдствіе неразсудительнаго выбора, тотъ долженъ терпѣть оное, какъ наказаніе за свою безразсудность. Посему 87 правило VI вселенскаго собора говоритъ рѣшительно: „*жена, оста-*

[1]) № 8876.

вившая мужа, аще посягнетъ за иного, есть прелюбодѣйца". Составъ выраженій правила позволяетъ заключать, говоритъ В-ый митрополитъ Филаретъ Московскій, что было бы мѣсто извиненію нѣкоторому, если бы она только оставила мужа, а не посягнула за другого; но въ семъ послѣднемъ случаѣ нѣтъ мѣста извиненію. Церковь—осуждаетъ.

Если есть примѣры вступившихъ въ незаконные браки и не подвергшихся дѣйствію церковнаго правосудія; то это потому, что духовному начальству не было средства правильно узнать вину, и степень ея, и призвать виновныхъ къ суду. Такіе примѣры не ведутъ къ тому, чтобы оказать покровительство незаконному сожитію, или полосочетанію, которое открыто подвергнуто суду и дѣйствительно осуждено, подобно какъ примѣры людей, похитившихъ чужія вещи и укрывшихся отъ суда, не ведутъ къ тому, чтобы уличеннаго похитителя поставить на ряду съ невинными.

Что касается ссылки г. Розанова, стремящагося доказать, что бракъ не есть таинство, на г. Филиппова, который приводитъ въ длинномъ рядѣ историческо-каноническихъ доказательствъ слѣдующій разительный примѣръ изъ законодательной практики нашихъ дней: когда еврейская или нѣмецко-лютеранская семья, состоящая изъ мужа, жены и дѣтей, переходитъ въ православіе, то отношенія членовъ этой семьи считаются законнымъ православнымъ бракомъ безъ требованія, чтобы они повѣнчались въ православной церкви. Крещеніе содѣлало таковую еврейскую семью православною; но что содѣлало православно-христіанскимъ ихъ бракъ? Очевидно не еврейское вѣнчаніе, а только простой фактъ супружества, совершенно равно качественный и равно количественный нашимъ нелегальнымъ семьямъ, если, оговорюсь,—онѣ честны, вѣрны и чисты,— то здѣсь Цековь, допуская такіе браки, держится словъ Апостола: (1 Кор. 7, 14): „*невѣрующій* мужъ

освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ. *Иначе дѣти ваши были бы нечисты, а теперь святы!*" Св. таинство крещенія еврейской семьи, очищая ея первородный грѣхъ, очищаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все нечистое и грѣховное, что было въ этой семьѣ до „крещенія", что, слѣд., было не чисто и въ ихъ плотскомъ сожитіи, *если только оно заключено было по формѣ, принятой и утвержденной у даннаго народа, а не было простое сожительство, безформенное.*— Кромѣ того, для тѣхъ, принимающихъ христіанство, евреевъ, или вообще иновѣрцевъ, принимающихъ Православіе, кои этого пожелаютъ, убѣдясь въ благотворности той помощи, которая дается вѣрующимъ именно въ св. таинствахъ Церкви,—для тѣхъ совершается и самое браковѣнчаніе, т. е. преподается имъ св. таинство брака, для благословеннаго рожденія и воспитанія дѣтей, чтобы они были святы.

Изъ всѣхъ означенныхъ разсужденій можно видѣть, что Церковь блюдетъ святость благословеннаго Богомъ брака болѣе строго и болѣе лучшими средствами, чѣмъ тотъ способъ, какой разумѣетъ въ своихъ статьяхъ г. Розановъ.

Православная Церковь не знаетъ такой идеализаціи человѣка, которая, какъ говорятъ его защитники, слышится въ словахъ г. Розанова. Послѣдній напрасно, какъ говоритъ и г. А—тъ (Нов. Вр. № 8874, 9-го Ноября), ссылается на Божественное Начало, которое, говоритъ г. Розановъ, № 8838, столб. 4 и 5):

„опредѣлило бракъ, по существу, чрезъ рожденіе, и даже короче и уже—чрезъ „прилѣпленіе" половъ. Здѣсь не проведено ли-

нiи между способами рожденія „въ адюльтерѣ“, „наложничествѣ“, „любви“ и проч. Не сотворено самаго понятія этого. Внѣ-брачныя рожденія *началъ (?) тотъ*, кто далъ браку, существо (?) котораго,—на основаніи словъ Спасителя (?), есть полосочетаніе (?), *кто далъ браку невѣрное опредѣленіе* (т. е. Церковь? такъ ли г. Розановъ?). На самомъ дѣлѣ незаконныхъ рожденій нѣтъ. Прелюбодѣяніе началось отъ того, кто создалъ, сотворилъ идею, что можно, что есть способъ касаться женщины неосторожно и внѣбрачно: тотъ и сотворилъ неосторожное къ ней касаніе. Кто первый сказалъ: „она (или онъ) любитъ незаконно“,—первый тотъ и развратилъ человѣчество“. „Исцѣлить человѣчество отъ разврата—великая проблема. *И ея исполненіе—въ объявленіи, что нѣтъ незаконныхъ касаній*“.

Г. Розановъ! Что вы говорите! Вѣдь, по вашимъ же словамъ, („Нов. В. № 8858, столб. 3), заповѣдь „*не прелюбодѣйствуй*“ установлена *симилъ Богомъ*. Кто же, такимъ образомъ, *развратилъ* человѣчество? Не говорите ли вы здѣсь хулы на самого Бога?

Вѣдь Самъ Божественный Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ учитъ, что есть „*любодѣянія*“ и „*прелюбодѣянія*“ (Матѳ. 15 гл. 19 ст.), что надобно избѣгать *этихъ „грѣховъ“* (Іоан. 8, 11); св. апостолы учатъ о томъ же, говоря прямо, что есть и „*незаконныя дѣти*“ (Евр. 12, 8); Іисусъ Христосъ признаетъ, что нѣкоторые люди „*раждаются отъ любодѣянія*“ (Іоан. 8, 41). См. также: Іакова, 1, 14 и 15: „*похоть раждаетъ грѣхъ*“.—Апостолъ Павелъ говоритъ, что „*блудники*“ „*прелюбодѣи*“ *Царства Божія не наслѣдуютъ*“ (1 Кор. 9 и 10), что „*имѣя обѣтованія о царствѣ Божіемъ, надобно очищать себя отъ всякой скверны плоти и духа, совершая святыню* (т. е. принимая святыя таинства, слѣд. и бракъ) *въ страхѣ Божіемъ*“ (2 Кор. 7, 1).

Вотъ, г. Розановъ, гдѣ путь исцѣленія отъ разврата! Надобно прочно утвердить бракъ, а не

ослаблять его, не отвергать его. *Твердость же брака*, поставляющая преграду разгулу страстей, зависитъ отъ *религіознаго убѣжденія въ святости брака, какъ именно таинства!*

Поэтому-то не только церковное правительство, но и православное государственное правительство въ нашемъ отечествѣ, да и всякое государственное правительство ограждаютъ заключеніе брачныхъ союзовъ подробными предписаніями, касающимися съ одной стороны условій, отъ которыхъ зависитъ правильность и безпрепятственность брака, а съ другой—формъ заключенія или совершенія, отъ которыхъ зависитъ непререкаемость и нерасторжимость его.

Г-нъ же Розановъ, чудовищно извращая факты, грубо относясь къ Св. Церкви, поверхностно понимая сущность тайны спасенія во Христѣ и сущность Православія, которое онъ напрасно хочетъ называть уничижительнымъ, въ его глазахъ, именемъ: „Византизмъ“, горячими статьями своими можетъ достигнуть только *полной разнузданности* молодежи, которая уже и такъ обычна стала нынѣ, *образованія*, какъ говоритъ г. А—тъ (Нов. Вр. № 8874, стр. 4), *„женскихъ семей, а слѣдовательно и поліандріи, массы семей у одного мужа, и умноженію великихъ сластолюбцевъ-паскудниковъ“*, а слѣдовательно и *полигаміи*.

Посему мы скажемъ вмѣстѣ съ св. Григоріемъ Богословомъ: *„Да погибнетъ такой супружескій союзъ, котораго не скрѣпилъ брачный законъ, въ святомъ таинствѣ брака“*.

С.-Петербургъ, 12-го Ноября 1900 года.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. **Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожительствъ?**—Докладъ пастырскому собранію 1 Декабря 1898 года. СПБ. 1898 г. Ц. 10 к.

2. **О важности для христіанъ чтенія слова Божія и религіозно-нравственныхъ книгъ.** Изд. 2-е. СПБ. 1894 г. Ц. 5 к.

3. **Памяти законоучителя протоіерея Михаила Ильича Соколова** († 5 іюня 1895 г.), съ портретомъ покойнаго. СПБ. 1895 г.

4. **Памяти протоіерея Д. Я. Никитина** († 13 Января 1900 г.), съ портретомъ покойнаго. СПБ. 1900 г.

Цѣна 30 коп.

2007051094